

Разведчик Гуляков

Главстаршина Шевченко

Комиссар Барков

Старшина Мужичек

Военфельдшер Слатвицкий Се

Старшина Малеванчук

Радист Якушенков

Сапер Синичк

Главстар

Раз

Сапер Бренер

Санитар Ло

Сапер С

Ст

Се

Юрий Дрыгин

**ДЕСАНТ
В БЕЗВЕЕСТНОСТЬ**

Юрий Дрыгин

**ДЕСАНТ
В БЕЗВЕДНОСТЬ**

Документальная повесть

Петрозаводск "Карелия" 1991

К63.3 (2Р-6К)
Д76

Д $\frac{0503020600-101}{\text{М127(03)}-91}$ 10—91

ISBN 5-7545-0324-5

© Ю. Д. Дрыгин, 1991.

От автора

В ночь с 1 на 2 сентября 1942 года десантный отряд 85-й отдельной морской стрелковой бригады под командованием капитана Н. П. Ковалева провел дерзкую операцию по разгрому финского гарнизона в деревне Ондозеро. 126 краснофлотцев и красноармейцев, переправившись на лодках с восточного берега Ондозера на западный, внезапно атаковали гарнизон противника и разгромили его. Но враг сумел подбросить к гарнизону резервы и окружил десантников. Более десяти часов дрались моряки и красноармейцы, пытаясь вырваться из окружения, однако силы были неравны...

С нашего, восточного берега Ондозера слышали бой до 15 часов, потом все смолкло. Помочь десантникам бригада не имела возможности. Никто не знал, что случилось с отрядом Н. П. Ковалева. И только чудом оставшийся в живых и вернувшийся раненным старшина 2 статьи И. Мочихин рассказал, что десантники погибли.

Однако по законам военного времени все, кто ушел на разгром гарнизона и не вернулся, считаются без вести пропавшими, так как никто не мог подтвердить, как погиб и где захоронен каждый из десантников. Поэтому родным и близким были отправлены извещения о десантниках как о пропавших без вести.

Предлагаемая читателям книга «Десант в неизвестность» — это художественно-документальный рассказ о воинах 85-й морской стрелковой бригады, воевавшей на Карельском фронте, и тех, кто погиб при выполнении боевой операции по разгрому вражеского гарнизона в Ондозере.

Автор выражает благодарность ветеранам 85-й бригады И. А. Мочихину (Новгородская область), А. В. Афанасьеву (г. Москва), И. А. Кипарису и М. А. Меламеду (г. Одесса), А. С. Остроуху и И. И. Гержоду (г. Краснодар), а также И. И. Ширшину, Ф. Г. Потапову, В. Г. Агаркову (Карельская АССР), сотрудникам Центрального архива Министерства обороны СССР, оказавшим помощь в написании этой повести.

Вместо предисловия

Бывший матрос Иван Алексеевич Мочихин, 65-летний ветеран войны и труда, отдавший морю свои лучшие годы жизни, решил расстаться с Архангельском и перебраться на родину — на Валдай, где родился и вырос, где начинался род Мочихиных и где покойся родительский прах.

Он изъездил пол-России, искал свою пристань в северных приморских городах, и казалось, море никогда не отпустит его от себя, но вот наступил час, и вечный зов природы, пробуждавшийся и раньше в нем ноющей болью в сердце, теперь позвал мощно и неотступно: пора!

Мочихин долго не решался оставить море, к которому прирос, друзей, учеников, с которыми сроднился, — это нелегко. Но голос природы звал и звал, будил его по ночам и не давал спать, мучил воспоминаниями детства. И он не выдержал, подчинился этому вечному зову предков: стал собираться, хотя и не сразу, откладывая и откладывая переезд. Но когда пришел май, Мочихин в последний раз съездил в Соломбалу, поклонился проснувшемуся Белому морю, уже взломавшему свой ледяной панцирь; проводил тоскливым взглядом крикливых чаек, спешивших к открытой воде, затем вернулся домой и твердо решил: «Все, еду!»

Уже перед самым отъездом в квартиру к Мочихину неожиданно постучали. Иван Алексеевич, обходя увязанные узлы и коробки, подошел к двери, открыл. На лестничной площадке он увидел мужчину лет сорока, в плаще, с коричневой папкой в руках.

— Вот же звонок,— показал на черную кнопку на косяке двери Мочихин.

— Извините, пожалуйста. Привычка,— смущенно сказал мужчина.— Мне бы к Ивану Алексеевичу Мочихину. Он здесь живет?

— Входите,— пригласил бывший моряк незнакомого гостя.— У нас тут кавардак, к отъезду готовлюсь, так уж не взыщите.

— Ничего, ничего. Я ненадолго.

Мочихин проводил мужчину в пустую комнату, принес из кухни стул.

— Я из Комитета госбезопасности,— представил гость, прежде чем сесть.

Иван Алексеевич и удивился неожиданному появлению сотрудника КГБ, и не удивился. В своей жизни он уже сталкивался с людьми подобных учреждений. И понял, зачем пришел к нему этот человек. Понял еще, что его «ненадолго» наверняка затянется.

— Простите, я сейчас,— сказал Мочихин и пошел на кухню. Через некоторое время он вернулся, неся кофейник и две небольшие фарфоровые чашки. Поставил их на подоконник, еще раз извинился, что принимает вот так, без удобств, пододвинул себе коробку с книгами, подготовленную к сдаче в багаж, налил в чашки кофе и сел.

— Вы, наверное, догадываетесь, зачем я к вам пришел. Не так ли, Иван Алексеевич?— помолчав, начал первым незнакомец.

— Вообще-то, да. Догадываюсь,— ответил Мочихин.— Но... Простите, как вас по батюшке?

— Виктор Павлович.

— Но вот какое дело, Виктор Павлович, все, что я могу вам сказать, я уже раньше сказал, в 1942 году. И не один раз. Поверьте, все сказал.

— Да-да,— торопливо проговорил мужчина,— но мне поручили... Понимаете, нужны отдельные детали. Вы, судя по документам,— единственный оставшийся в живых, и только вы сможете помочь.

— Вряд ли,— развел руками Мочихин.— Мертвым уже ничем не поможешь!

— Без вести пропавшим,— поправил его мужчина.

— Я-то знаю, что все они погибли,— твердо сказал Мочихин.

— Погибшим считается тот, у кого есть могила и чей прах могут удостоверить свидетели, что именно он, а не кто другой захоронен в могиле. На вас ведь тоже было заготовлено извещение как на пропавшего без вести...

— Это я уже слышал!— почему-то заволновался Иван Алексеевич.— Но вы попробуйте убедить их родных, жен, детей, которые едут туда каждый год. И я не могу сказать, что они пропали без вести. Не могу! Я дрался вместе с ними. И не моя вина, что я не остался там, с ними, не моя!

— Иван Алексеевич, вы, пожалуйста, не волнуйтесь,— стал успокаивать бывшего моряка Виктор Павлович.— Я вас ни в чем не обвиняю. Вы воевали честно, имеете награды. И я не затем пришел, чтобы ворошить ваше прошлое. Понимаете, у нас есть данные, что в ночь на второе сентября через Ондозеро должны были переправиться двое наших разведчиков из особого подразделения НКВД. Они должны были доставить сведения об оборонительных сооружениях противника, но вернулся только один, другой пропал.

— Я об этом ничего не знаю,— ответил Мочихин.— Перед нами была поставлена задача: разгромить вражеский гарнизон в деревне и освободить военнопленных, находившихся там. Из высокого начальства, конечно, должен был кто-то знать, а мы — рядовые, нам говорят: в атаку — идем в атаку, говорят: залечь и отстреливаться — ложимся и отстреливаемся...

— Вспомните,— перебил его гость,— когда начался бой, не видели ли вы случаем среди десантников девушку в гражданском? Маленькую, сухоощавую такую, лет девятнадцати? Или среди убитых, когда вы... Ну, в общем, вы понимаете, о чем я говорю.

— Среди десантников женщин не было,— отрицательно качнул головой Мочихин.— Вы должны знать, что на подобные операции женщин не берут — это морской закон. Раненых мы перевязывали сами. Да и санитары у нас были мужчины. А она что, была в лагере военнопленных?

Незнакомец внимательно посмотрел на Мочихина. И в этом взгляде бывший моряк уловил что-то жесткое, недовольное. Этот взгляд укорял: «Ты же воевал в разведке. Будто не понимаешь?!» Но у Мочихина давно выработалось инстинктивное противодействие, неприязнь к напористым собеседникам вроде этого, и в такой момент Иван Алексеевич нервничал и ничего не мог с собой поделать: ему все время казалось, что требуемые от него воспоминания — не просто разговор, а вежливый допрос.

Мочихин встал, прошелся взад-вперед.

— Скажите, Виктор Павлович, только прямо. Ведь у вас, когда шли ко мне, наверняка в голове мелькнуло: почему, мол, этот матрос остался живой, а все остальные — погибли?

— Да что вы, Иван Алексеевич!— укоризненно поднял на него глаза гость.— Как можно!

— Можно, можно! Тогда, в сорок втором, меня без всяких там этих «можно» спросили: «Почему? Почему ты, старшина Мочихин, остался живым, а все погибли?»

— Тогда время было иное...

— И еще спросили: а почему, мол, ты, старшина Мочихин, ранен в руки, а не в какое-нибудь другое место?! Почему, почему, почему?!

— Я вас понимаю,— проговорил Виктор Павлович,— на подобные вопросы тогда отвечать было нелегко.

— Нелегко? Не то слово!— воскликнул Мочихин.— Для меня все это звучало примерно так: трус, дезертир! А ранен в руки — самострел, это, знаете, на войне случалось. А один, в ваших летах, так тот додумался даже до того, что враги специально меня отпустили: пусть, мол, плывет с богом назад да расскажет своим, чтобы больше неповадно было нос совать на их берег. И на все эти сумасбродные выдумки я ничем ответить не мог. Попробуй докажи, что все было не так! Кто подтвердит?! И, думаете, для меня, оставшегося в живых, все тогда обошлось? Нет. В разведку, в которой я воевал, вернуться не разрешили. Так, на всякий случай: черт его знает, что было на том берегу, а пойдет в разведку, возьмет да еще сбежит. Мне, тогда двадцатидвухлетнему балбесу, и в голову подобное прийти не могло! Думал: хоть бы добраться как-нибудь до своих — тогда и об остальных знать будут, что не зря жизни свои положили. А они до сих пор — без вести пропавшие!

— Иван Алексеевич, прошу вас, не надо. Я же не спрашиваю, почему вы остались жить, а они погибли. Судьба подарила вам жизнь — ну и слава богу!

Меня интересует только девушка — небольшого роста, худощавая, лет девятнадцати, в гражданской одежде. Она вместе со своим товарищем ушла в тыл врага и больше не вернулась. Второй, который добрался, рассказал, что они вышли к условленному месту на полчаса позже, когда десант уже атаковал финский гарнизон. И вдруг они наткнулись на большую группу вражеских солдат из пограничной охраны. У тех были собаки. Чтобы не подвергаться риску, решили разделиться... И вот она не вернулась.

— Проклятая война! Не жалела никого! — проговорил Мочихин. — В нашей группе был сержант Федор Чернов. Он, как вы понимаете, тоже погиб в Ондозере. У него была девушка, звали, кажется, Надя. Познакомился он с ней в Сегеже, когда нас перебросили туда с передовой на усиление... Где-то в марте-апреле месяце. Встретил он ее у складов — нам выдавали новое обмундирование, и все — влюбился парень, как говорится, по уши. А военная любовь — она особая. Девушка тоже была маленькая, худенькая. Я ее раз и видел, а в память врезалась на всю жизнь. У Феде только и разговоры были о ней. Потом, месяца за два до операции, он как-то сник. Все, знаете, спрашивают: как, мол, дела на любовном фронте, а он лишь отмахивался. Хотя мне как-то сказал, что она ушла за линию фронта. Я тогда еще подшутил над ним: все они, говорю, уходят за линию фронта, когда встретят чинном повыше нашего брата — офицера, особенно из интендантов. Но он сказал, что это правда.

Я к чему о Чернове вам рассказываю, Виктор Павлович, понимаете, когда там, в Ондозере, все уже произошло и я раненый ползал, как голодный пес по болоту, прятался от егерей, со мной приключилось нечто вроде галлюцинации. Я замерз, просидев в холодной воде свыше десяти часов, пока

егеря совсем не ушли с болота, затем выбрался из воды и пополз к нашим убитым морякам, чтобы взять у кого-нибудь из них фуфайку или плащ-палатку. И знаете, на кого я наткнулся? На Чернова Федю. Он лежал в крови, изуродованный, вероятно, сам подорвал себя гранатой. А рядом с ним лежал еще кто-то — в одной тельняшке. Страшно было смотреть! И вот мне вдруг показалось, что тот, кто в тельняшке, — его девушка. Мне стало не по себе, затошнило, перед глазами поползли круги, и я поскорее отполз от этого места...

— Вам показалось или с ним действительно лежала девушка? — перебил гость Мочихина. — Для меня это очень важно!

— Показалось, конечно. От потери крови и голода мне еще не раз виделось черт знает что!

— И все же, Иван Алексеевич, припомните как следует: может, с сержантом в самом деле была девушка?

— Нет, мне показалось. А показалось, вероятно, потому, что я завидовал Феде. Его девушка нравилась и мне. Потом, на следующую ночь, когда начало светать, я снова пополз к тому месту, где они лежали, — продолжал Мочихин. — Я нашел это место быстро. Там было уже больше десятка наших матросов. У всех на шее ремни. Финны ремнями стаскивали тела убитых десантников в одно место. Среди них не было женщины. Это я хорошо помню. Да и сами подумайте: девушка — и в тельняшке?!

— Может быть, она для какой-то цели переоделась? — задумался Виктор Павлович.

— Почему вы уверены, что ваша разведчица вышла на десантников? — сказал Мочихин. — Мост взрывал я, поэтому мимо нас она пройти не могла. Кроме того, еще до этого на нас напоролось отделение егерей, которое мы уничтожили. Значит, по

дороге она не шла, иначе попалась бы к ним в лапы. А потом началось такое, что любой здравомыслящий человек к нам ни за что не пошел бы. Да он и не смог бы добраться — мы уже были окружены.

— Все могло быть,— задумчиво произнес Виктор Павлович. И повторил:— Все могло быть...— Затем снова спросил:

— А фамилия сержанта Рыжихина вам не знакома? Он был среди десантников.

Мочихин задумался, напрягая память.

— Нет, не помню,— ответил он.— Я в своей-то группе не всех знал. В отряд набирали из разных подразделений бригады...

Они замолчали, каждый думая о своем.

— Кофе еще подогреть?— первым нарушил молчание Мочихин.

— Что?— задумчиво переспросил гость. Потом сообразил, о чем его спрашивают, замахал руками:— Нет, нет, спасибо!— И поднялся со стула.— Вы когда уезжаете, Иван Алексеевич?

— Через день.

— Не могли бы дать ваш новый адрес? На всякий случай.

— Вот, возьмите.

— У меня к вам просьба, Иван Алексеевич: если вдруг что вспомните, меня касающееся, не считайте за труд, черканите. Думаю, знаете куда?

— Да уж знаю!— сказал Мочихин.— Только поверьте, Виктор Павлович, вам надо искать разведчицу в другом месте. Среди десантников она оказать никак не могла. На этот перешеек, адский перешеек, живому пробраться было невозможно. А сержант Рыжихин, если он был среди нас, десантников, наверняка погиб.

— И все же, Иван Алексеевич, если что вспомни-

те, черканите.— Гость поблагодарил старого моряка, попрощался с извинениями, что заставил ворошить прошлое.

А Мочихин, проводив его до дверей, вернулся в комнату, сел у окна и так просидел часа два не двигаясь. Возбужденная память возвращала его — в который раз! — в молодость, в грозные и жестокие годы войны, когда человеческая жизнь ничего не стоила и потерять ее было до того просто, что даже в списки небытия она не всегда попадала. И дело не в том, что страшно умирать. Умирать не страшно. Нет. Страшно жить среди мертвых. Они с тобой, вокруг тебя. Днем, ночью — всегда! И кажется, что вот судьба уберегла тебя от верной смерти, живи, радуйся и гордись, что побывал в таком пекле, из которого нельзя было выбраться, а ты выбрался, выкарабкался, зубами вырывая себе право на жизнь, но смерть других, тех, кто был с тобой и которых давно уже нет, душит, мучает... Ты стареешь душой, телом, а память остается все той же, какой запечатлела однажды самые страшные дни в твоей жизни...

ст. Кочкома
16 мая 1942 г., 5 час.

Ночью 16 мая 1942 года литерный воинский эшелон, следовавший из Лоух, сделал короткую остановку на станции Сорокской. Дежурный по станции тут же отправил эшелон дальше — на юг, не дав набрать кипятку краснофлотцам, которые, не успев прыгнуть, бросились, ругаясь, назад, к

своим вагонам, так как поезд уже стал набирать скорость.

Старшина 2 статьи Мочихин, тоже спрыгнувший за водой, еле догнал состав и, уцепившись за ручку двери последней теплушки, в которой ехали красноармейцы из второго батальона, пытался на ходу в нее забраться, но это ему никак не удавалось — мешал котелок с водой, который он бережно держал в левой руке.

— Давай сюда котелок!— кричали ему из теплушки.— Давай, тебе говорят, отстанешь!

Наконец старшина разжал пальцы, котелок у него забрали, а затем втащили в вагон и его самого.

— Пить захотелось, ну просто нет мочи!— оправдывался Мочихин, поправляя сбившуюся фуфайку.

Ему возвратили котелок.

— Нет, я уже не хочу, на станции успел напиться,— отказался он.— Пейте, кто желает. Своим ребятам нес, да вот не донес.

Его котелок сразу же пошел по рукам.

Найдя свободное место, старшина опустил на солому. Прямо над его головой мотался из стороны в сторону керосиновый фонарь, который хотя и слабо, но все же освещал теплушку.

К нему подсел уже немолодой красноармеец.

— Откуда будете, товарищ старшина?— спросил он.

— Из пятого вагона, из разведроты,— ответил Мочихин, поудобнее устраиваясь.— Ребята подумают, что отстал.

— Нет, родом, спрашиваю, откуда?— уточнил красноармеец.

— А-а-а... С Валдая. Знаешь, откуда наша Волга-матушка начинается? Вот я из тех краев. А ты?

— Я из Орска. Федор Выборнов,— представился красноармеец.

— А как же попал в автоматчики? Туда, вроде, молодых набирают.

— Сам не знаю. Подготовку прошел, стрелял неплохо. Вот и взяли. Только не пойму я — бригада у нас морская, а народ в ней всякий.

— Да, бригада наша разношерстная,— подтвердил Мочихин.

— И матросы тут, и красноармейцы. Почему бригада, а не полк, не дивизия?— произнес Выборнов.

— У моряков нет ни полков, ни дивизий. Это в сухопутных войсках. Бригада потому, что морская,— не совсем уверенно ответил Мочихин. Он плохо разбирался в сложной структуре воинских подразделений.

— Бригада морская, а мотаемся по лесам да по болотам. Вон сколько едем — все лес, лес...

Мочихин не представлял, почему его не направили опять во флот. Он только знал, что бригаду сформировали на скорую руку в поселке Похвистнево Куйбышевской области и воевать она должна под Москвой. Почему перебросили на Карельский фронт? Вероятно, под Москву они опоздали — там немцев успели поколотить без них, а здесь, на севере, видимо, туговато нашим, вот их сюда и направили.

— Не нравится мне эта езда туда-сюда,— снова заметил Выборнов.— Шестой месяц катаемся, а настоящих боев так и не видали. Зачем вот на пять дней под Кестеньгу возили? Непонятно. Сейчас назад везут.

— Там наступление наших готовилось. Но в последний момент его отменили. Я от своего ротного слышал, что если бы его не отменили, нас бы

бросили в самое пекло. Так что радуйся, а то могли бы убить!— сказал старшина.

— Я радуюсь. Только как-то странно воюем: под Масельскую бросали, под Сегежу бросали, вот сейчас опять куда-то бросят... А фашиста когда же бить начнем?

«Да, перебрасывают нас туда-сюда действительно часто — и все в резерв»,— согласился в душе Мочихин. А вслух сказал:

— Вот попадем однажды в хорошую потасовку и поедем по госпиталям, лазаретам, а кое-кто останется в этой земле навсегда.

До полного рассвета оставалось совсем немного времени, и в теплушке почти никто не спал. Лежали на соломе, дремали. Весело играл огонь в чугунной буржуйке, и в вагоне было достаточно тепло. Колеса с монотонным равнодушием отстукивали на стыках рельсов: «Скоро приедем, скоро приедем!». В противоположном углу теплушки кто-то затынул: «Ох, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы...» И тут же раздался беззаботный мальчишеский смех.

«Будто не на фронт, а на прогулку едут!»— подумал Мочихин. Он смотрел на этих мальчиков в шинелях и фуфайках, еще не познавших войны, смертей. И ему стало жалко и их, и себя. Никому из них пока неизвестно, что будет завтра, послезавтра, неведома и та тревога за собственную жизнь, которая возникает у бывалых людей. А старшине Мочихину эта тревога не дает покоя. Сколько дней подряд свербит поганая мысль: в этих болотах твоя смерть! Если бы вернулся на корабль, не было бы такого чувства, а то — в пехоту. Матрос не умеет воевать на суше...

«Скоро приедем, скоро приедем!»— перестукивали колеса на рельсах. Теперь уже действительно скоро. Раз эшелон пошел без остановок, значит —

торопятся. Да и по заброшенным полустанкам видно — все ближе и ближе фронт.

— Что, задремал?— повернулся Мочихин к Выборнову, который сидел, подперев кулаками усталое лицо.

— Вы молчите, и я молчу,— проговорил тот, потом добавил:— За вас, наверно, взводный переживает.

— Ничего, на первой же остановке переберусь в свой вагон.

Но остановок не было. Эшелон мчался в предутренней заре. Лишь однажды он резко затормозил и некоторое время двигался тихо. Невысокий лейтенант, видимо комвзвода автоматчиков, отодвинул дверь, чтобы посмотреть в чем дело, и неожиданно присвистнул:

— Мать честная, состав раскорезанный под откосом лежит! Наверно, под бомбежку попал!

Все, кто был рядом с дверью, повскакивали со своих мест. Мочихин тоже приподнялся. И хотя ему было плохо видно, он все же разглядел опрокинутые на откосе железнодорожного полотна скелеты полуобгорелых теплушек и исковерканные полуторки, мимо которых медленно, чтобы не сойти с рельс, пробирался их эшелон. «Вот она, картинка войны!»— подумал Мочихин. Потом поезд снова набрал скорость и колеса теплушки привычно застучали: «Скоро приедем, скоро приедем...»

Часа через два, когда холодное майское солнце уже стало заглядывать сквозь щель двери к ним в теплушку, эшелон вдруг остановился. Первым это почувствовал лейтенант. Он поднялся, прислушался, соображая в чем дело. Но тут кто-то ударил два раза прикладом автомата в дверь: «Раз-з-груз-жайсь, прибили!» И все сразу зашевелились.

Мочихин нащупал в соломе свой котелок, отрях-

нулся и заторопился к двери. Когда лейтенант ее отодвинул, в теплушку ворвался холодный утренний воздух.

— Кочкома какая-то! — объявил лейтенант. — На станцию Кочкома прибыли!

Было уже светло, и первое что бросилось Мочихину в глаза — это приземистые склады, огороженные колючей проволокой, и рядом с ними какое-то заброшенное кирпичное здание. Дальше виднелись землянки, черные нити траншей.

— Раз-згруж-жайсь! Прибыли! — понеслось вдоль эшелона. — Раз-згруж-жайсь!..

Мочихин попрощался с Выборновым, спрыгнул на откос и поспешил к своему вагону.

Ребята уже разбирали оружие, ящики с патронами, другое нехитрое матросское имущество. Увидев Мочихина, они радостно загалдели, а ротный Афанасьев сделал вид, что ничего такого не произошло и, как только Мочихин подошел, приказал:

— Старшина, пока эшелон вытряхивается, сбегай подыщи жилье получше.

Мочихин хотел было уже идти, но пока прикидывал, куда направиться, кто-то рядом крикнул:

— Смирно!

К их теплушке подходила группа командиров во главе с подполковником Литвиновым.

— Торопитесь, ребятки, а то, не дай бог, фашисты еще прищучат нас на открытом месте, — подполковник остановился. Затем со всей своей свитой направился дальше вдоль эшелона.

У теплушек разведроты задержался только комиссар бригады Девяшин.

— Простойм здесь недолго. Прибудет третий батальон с артдивизионом и направимся дальше, на новый участок фронта, — сказал он. — А пока постарайтесь подыскать жилье здесь, на станции.

Афанасьеву стало все ясно: если их опередят другие с эшелона, квартировать разведчикам придется в палатках. Он махнул рукой Мочихину: иди. Вместе со старшиной Костенко Мочихин пошел искать жилье сначала в направлении заброшенного кирпичного здания, которое видел из вагона. Когда они подошли к нему, Костенко сказал Мочихину:

— Ты пошукай здесь, а я там,— показал он на возвышающиеся у леса холмики землянок.— Вдруг есть свободные.

Мочихин обошел здание вокруг, нашел дверь. Помещение, в котором он очутился, напоминало что-то вроде подсобки. В углу валялись тормозные колодки, промасленная обтирочная ветошь и большая куча желтого песка. Как бывший железнодорожник, Мочихин определил, что раньше здесь была или пескосушилка или пункт технического осмотра вагонов. Старшина огляделся, оценил достоинства и недостатки помещения и пришел к выводу, что полроты здесь вполне можно разместить, если поставить пару буржеек. Затем он пошел к складам — посмотреть, что там. Но метров за сто до них его остановил часовой.

— Сюда нельзя,— держа наизготовку трехлинейку, заявил он. Часовой понял, что матрос с эшелона и подыскивает жилье.— Ты, друг, иди вон к тем баракам,— показал он в сторону леса.— Туда ваши уже пошли.

Мочихин ухмыльнулся: конечно, пошли, не один же он такой ушлый! Костенко, наверное, тоже уже там побывал. «Черт возьми, завезли неизвестно куда, и мерзни здесь как суслик!»— подумал со злостью он, а вслух сказал:

— У вас всех так встречают? Ни оркестра, ни угла...

— Всех, матрос, всех,— невозмутимо ответил ча-

совой.— Вашего брата везут сюда и везут. Второй эшелон уже прибывает — и все матросы. Может, с географией напутали? Моря-то тут нет, одни болота. А что касается музыки, то финны тебе ее могут устроить!

— Неужели передовая так близко?— удивился старшина.

— Передовая-то далеко, а они нет-нет да наведываются.

— Так всыпать им надо покрепче, а то ведь никакого житья не будет!

— Вот тебя, матрос, и привезли для этого. Посмотрим, как ты им всыпешь. В штаны не наложишь?

— Иди ты, знаешь куда!— старшина хотел выругаться, но смолчал, развернулся и пошел к спрятавшимся в лесу двум баракам, которые он только сейчас разглядел.

У барачников, длинных и приземистых, скопилось много красноармейцев с эшелона. Все суетились, словно устраивались надолго, навсегда. Вздвигали их подгоняли. На одном из барачников уже появилась табличка «Рота ПТР», у другого бойца из комендантского взвода забивали досками разбитые окна, как в коровник, таскали охапками солому, прихваченную из теплушек эшелона. Мочихин не нашел ни Костенко, ни кого-нибудь другого из своей разведроты.

Старшина пошел назад, к эшелону. Отойдя немного, оглянулся: отсюда барачники были похожи на огромный муравейник. К каким только условиям не приноравливается человек! По всем меркам в эти барачники поместится от силы человек двести — триста, а тут — чуть ли не полбригады! Но самое удивительное в том, что никто из них не думает: пояись самолет противника — потерь не счесть!

Но фронт себя еще не показывал — не гремели

выстрелы, не свистели снаряды, не было и самолетов. Наоборот, стояла звонкая утренняя тишина, кругом все будто вымерло, и лишь суматошное столпотворение у барачков напоминало, что идет война.

— Иван! Мочихин!— вдруг услышал старшина. Остановился. К нему спешил аджарец Гвасалия, его второй номер.

— Ты где, дорогой, потерялся?— подойдя к нему, заговорил Гвасалия.— Ушел, понимаешь, и все, нет и нет. Костенко уже вернулся, тебя — нет. Он послал искать.

— Нашел Костенко жилье?— не объясняя, где был, спросил Мочихин.

— Мы все уже в землянке. Костенко, понимаешь, уговорил саперов потесниться. Тут совсем близко. Землянка большая, с нарами, а их немного. Понимаешь, пустили!— словно удивляясь добродушию саперов, проговорил Гвасалия.

— И все поместились?

— Понимаешь, дорогой, почти все. Немного тесно, но я на нарах место тебе занял.— Гвасалия шел впереди, постоянно оборачиваясь на старшину, взмахивая руками.— Они, понимаешь, говорят, что нас опять в резерв армии. Где-то рядом тут будем.

Вскоре Гвасалия привел его к землянке, в которой устроились разведчики. Она находилась недалеко от железнодорожной станции. Вернее, их было тут несколько. Вырыли землянки, по определению Мочихина, опытные солдаты — в болотине, но зато со всех сторон их надежно защищали невысокие скалы. От землянок к станции тянулись ходы сообщения, тоже сделанные на совесть.

Разведчики встретили Мочихина громким восклицанием: «И на этот раз не потерялся!» Одни из них уже вскрывали банки с консервами, пили

чай, вскипяченный на чугунке, другие просто лежали на нарах, отдыхая от долгой езды в вагоне.

Так начался новый день их пребывания на левом фланге Карельского фронта...

34-й км шоссе Кочкома — Реболы 28 июня 1942 г., 18 час.

В Кочкоме моряки провели только одни сутки. 17 мая по приказу командующего 26-й армией генерал-майора Никишина бригаду перебросили на ругозерское направление, в район 34—36-го километра шоссе Кочкома — Реболы, где она вскоре заняла оборону во втором эшелоне. Совместно с подразделениями 27-й стрелковой дивизии моряки приступили к боевому охранению этого участка фронта. Здесь им противостояли финские части 14-й пехотной дивизии.

Финны были остановлены на этом направлении в конце 1941 года, но не разбиты. В любой благоприятный момент они могли прорвать фронт и устремиться к Кочкоме и Сегеже, где располагались наши тыловые склады и полевое управление 26-й армии.

К общему разочарованию моряков их не бросили на передовую, а заставили укреплять оборону вторых линий. Более месяца они строили новый аэродром на 19-м километре, возводили другие тыловые объекты на оборонительных рубежах. На этих неблагодарных, но необходимых работах были заняты все батальоны и роты, кроме развед-

чиков и снайперов — эти действовали непосредственно на передовой, и только они одни из всей бригады вступили здесь в тайное противоборство с врагом.

В самом же районе дислокации бригады было спокойно — моряки, сменяя поочередно посты и караулы, уходили утром на работу, а вечером, возвращаясь в землянки, томились в ожидании скорых перемен. В сознании многих бойцов стало утверждаться пассивное чувство легкой войны, особенно в той среде личного состава бригады, которая еще не принимала участия в боевых действиях. Молодые краснофлотцы фактически не умели драться с врагом на суше, но ставили себя выше сверстников, пополнивших бригаду из пехоты. Постепенно забывались запреты на ношение морской формы, и в батальонах вновь зачернели бушлаты, бескозырки, а «наркомовская» норма спиртного для отдельных бойцов и командиров перестала быть твердой нормой, и в этом не видели ничего плохого — все равно в резерве! Даже сменившееся в июне командование бригады не смогло сразу остановить распространение в ротах этой растлевающей окопной заразы. Да и нелегко это было сделать без боевых операций.

Подполковник Н. К. Солдатов, принявший бригаду от полковника Ф. И. Литвинова и побывавший в первые же дни в третьем батальоне, пришел к горькому выводу, что направили его далеко не в лучшую часть, и позавидовал своему предшественнику, который уехал принимать прославленную 186-ю стрелковую дивизию, сформированную в основном из северян.

В последующие дни новый комбриг ознакомился с состоянием дел в первом и втором батальонах, артиллерийском дивизионе, отдельных ротах автоматчиков и разведчиков. Сразу же после этого из

штаба один за другим последовали строгие приказы.

Солдатов начал с того, что переодел всех в единую армейскую форму. И как ни упрямылись краснофлотцы, но все же пришлось им сменить морские черные бушлаты на серые солдатские шинели, а бескозырки — на пилотки. Одного только не мог добиться подполковник — снять с моряков тельняшки. С этой привилегией они ни за что не захотели расставаться. И Солдатову пришлось уступить. В остальном он был непреклонен. Затем комбриг заставил своего нового начальника штаба майора Сергеева составить твердый график боевой подготовки в ротах, батальонах и потребовал от комбатов неукоснительного его выполнения. А политруки и военкомы усиленно взялись за политико-воспитательную работу среди бойцов.

Подполковник был резок и строг. Обращался с подчиненными без церемоний. Его хмурого лица с оттопыренными ушами боялись все. Младшие командиры старались избегать встреч с ним и, заметив еще издали коренастую фигуру, тут же исчезали. Брошенная однажды кем-то фраза: «Кавалерист идет, смывайся!» — вскоре превратилась в кличку подполковника. Она понравилась всем и почти точно характеризовала неуклюжую, но резвую походку Солдатова. Подполковник не искал дружбы с кем-либо из командиров и лишь сошелся с комиссаром бригады капитаном 3 ранга Девяшиным. В нем он видел и по духу и по характеру продолжение самого себя. Солдатов был из той когорты командирских кадров, которые в военном искусстве делали ставку на особый моральный дух советского солдата, на его беззаветную преданность Родине и отвагу, ставил это во главу угла всей науки воевать. К сожалению, в 1942 году таких командиров

в Красной Армии было еще немало. И без них пока не могли обойтись, потому что они прошли нелегкий путь отступления и своей ненавистью к врагу зажигали тысячи и тысячи солдатских сердец, в своем горячем порыве — как можно скорее отомстить врагу за поруганную честь — были готовы на любые жертвы, лишь бы это быстрее приближало крах зарвавшихся оккупантов. Они не понимали, вернее — не хотели понимать, что жертвы эти не всегда оправдывались!

Солдатов, не успев обжиться на новом месте и не уяснив как следует обстановки на фронте, стал подумывать о проведении крупной операции против врага. Пока он никому об этом не говорил, но эта мысль постоянно занимала его. Солдатова подтачивали два чувства: собственное эгоистическое — хотелось поскорее утвердиться, доказать армейскому начальству, что способен на большее — по приказу он фактически являлся не комбригом 85-й, а только исполняющим должность командира, и это унижало; другое — дать понять финнам, что его бригада, хотя и во втором эшелоне, но спокойно им отсиживаться в окопах не позволит.

Как-то, оставшись наедине с Девяшиным, комбриг высказал эту мысль ему. Тот будто бы поддержал, но осторожно, и упомянул эпизод о неудачном контрнаступлении бригады 10 февраля на 14-м разъезде Кировской железной дороги, недалеко от станции Масельской.

— Расскажи поподробнее, — заинтересовался комбриг.

— Финны прорвали там оборону 289-й дивизии и устремились к железной дороге. Нам приказали помочь 219-му полку отразить наступление врага. Контр-адмирал Вдовиченко — он тогда был комбригом — послал туда первый батальон капитана

Гончарова с минометной ротой. Этот бой на разъезде, по сути дела, стал боевым крещением бригады, и к сожалению неудачным — мы понесли большие потери...

Комиссар Девяшин хорошо помнил тот бой. Он с контр-адмиралом наблюдал за ним с НП. Видел в бинокль, как подбадриваемые «полундрой» матросы, полураздетые, бросались на пулеметы врага. Запомнил он в тот момент и Вдовиченко. В черной морской шинели, как на параде, контр-адмирал нервно хватался за стереотрубу и водил ею вправо-влево, словно в руках у него был пулемет...

— В общем, после этого боя батальон потерял четверть своего состава, а Вдовиченко расстался с бригадой — его отозвали на флот.

— Чуть что, ищут виноватого! — возмущенно проговорил Солдатов. — Ну а разъезд?

— Разъезд не отдали. Подошел 1044-й полк и остановил противника, — ответил Девяшин. — После этого финны прекратили наступление, окопались и сидят там до сих пор.

— Та-а-ак... — протянул Солдатов. — А на кестеньгское направление как бригада попала?

— Поступил из штаба фронта приказ: бригаду — в распоряжение 26-й армии, части которой перешли в наступление. Этот приказ сразу же поднял настроение среди бойцов и командиров, потому что целых три месяца мы были в резерве. Бригада, спешно погрузившись в эшелоны, отправилась на север, туда, где уже несколько дней подряд шли ожесточенные бои. Вскоре прибыли на новый участок фронта и сосредоточились в районе 29-го километра шоссе Лоухи—Кестеньга.

«В любой момент быть готовыми принять участие в наступлении!» — сообщили из штаба армии.

Наступление наших войск на кестеньгском на-

правлении к этому времени подошло к критическому моменту. 23-я дивизия под командованием генерал-майора В. А. Соловьева прорвала фронт и вышла к Кестеньге с северо-востока. 186-я стрелковая и 8-я лыжная бригады разбили гарнизоны фашистов и захватили Окуневу Губу. Тем самым создалась возможность полного разгрома немецких частей на этом участке фронта. Но немцы перебросили туда свою 163-ю пехотную дивизию, имевшую опыт наступательных боев под Суоярви. Воспользовавшись разрывами между боевыми порядками наших частей, а также превосходством в живой силе, немцы расчленили и окружили 238-й полк 186-й дивизии и 8-ю лыжную бригаду. На помощь окруженным войскам наше командование бросило 290-й полк и 80-ю морскую бригаду. Вот-вот должна была дойти очередь и до нас. Мы с нетерпением ждали приказа, чтобы вступить в бой...

— Ну и вступили?— нетерпеливо спросил Солдатов.

— Нет. Неожиданно поступил другой приказ: наступление отменяется. Ставка Верховного Главнокомандования отдала указание фронту прекратить наступление на кестеньгском направлении, пополнить войска материальными средствами и произвести тщательную разведку укреплений врага. А после того как кольцо окружения было прорвано и войска вернулись на прежние позиции, помощь уже не потребовалась.

— Выходит, бригада еще как следует и не воевала,— заключил Солдатов.

— Получается так, если не считать февральских событий под Масельской,— подтвердил комиссар.

— Вот это мне совершенно непонятно!— возбужденно воскликнул подполковник.— Ленинград задыхается в блокаде, фашисты вышли к Волге

под Сталинградом, а мы здесь сидим в окопах и чего-то ждем! Финны явно выдохлись, и сейчас самое время ударить бы по ним! Создается впечатление, что в Ставке о нашем фронте просто-напросто забыли!

— Но пробовали же бить немцев под Кестеньгой, не получилось,— попытался возразить Девяшин.

— Значит, не там пробовали!— не соглашался Солдатов.— У немцев на этом направлении 20-я горная армия, дивизия «СС» — отборные части! Но надо их бить, бить, а не отсиживаться в окопах! Не-е-т, буду требовать, чтобы бригаду перевели непосредственно на передовую...

— Мне по секрету сообщили, что недавно крупная партизанская бригада вышла в рейд по тылам финнов, где-то южнее нас сейчас действует,— объявил Девяшин, стараясь перевести разговор на другую тему.

— Бригада Григорьева? Я знаю об этом. Смелое решение! А мы все чего-то выжидаем,— заметил комбриг, замолчал на минуту, потом вдруг в лоб спросил:— Кстати, наш комроты разведки Афанасьев — он как тебе?

— По-моему, свое дело знает. Окончил училище, войну встретил в Литве, командовал разведвзводом, под Лугой был ранен. После излечения направлен к нам, лично формировал разведроту,— ответил Девяшин, не понимая, для чего комбриг спрашивает его об Афанасьеве.

— Это хорошо. Если не добьюсь перевода бригады на передовую, работы у него прибавится,— не объясняя ничего, проговорил подполковник.— Сложив руки сидеть своим разведчикам не дам! И другим тоже.

Солдатов сдержал свое слово. Разведчики не только отдельной разведроты, но и батальонов все

чаще и чаще стали ходить за нейтральную полосу, прошупывая минные поля противника, выискивая слабые места в его обороне.

Но все равно каких-либо особых изменений в прифронтовую жизнь бригады новый комбриг не внес. Она текла размеренно и почти спокойно, словно шла не война, а очередные полевые учения. Но война нет-нет да напоминала о себе неожиданными налетами вражеской авиации, и тогда привычная безмятежность бойцов сменялась злобным беспокойством, вспышкой ненависти к врагу, заставившим бежать прятаться в лес, блиндажи, окопы.

Самолеты, отбомбившись, улетали. И моряки выбирались из укрытий, хоронили убитых, восстанавливали поврежденные землянки, укрепления и вновь забывали о налетевшей с неба смерти. Опять наступала тишина, чтобы однажды вновь взорваться от противно воющих авиабомб.

Сводки, поступающие с других фронтов, заставляли всех хмуриться: везде велись жесточайшие бои. А здесь, на левом крыле Карельского фронта, установилось относительное затишье. Окопная война, похоже, растянулась на долгие месяцы, и обе противоборствующие стороны, отгородившись колючей проволокой и минными полями, зорко следили друг за другом, выбирая удобный момент для диверсионных вылазок...

высота 152,6
24 июля 1942 г., 4 часа 30 мин.

Вынашивая дерзкую идею — внезапно напасть на какой-нибудь ближний гарнизон или укрепление врага и разгромить его, Солдатов требовал от своего

начальника штаба точных разведанных о состоянии обороны противника в северной оконечности Ондозера. Комбриг почему-то выбрал именно этот район. Майор Сергеев, в свою очередь, нажимал на разведку.

23 июля он вместе с капитаном Афанасьевым вновь выехал в третий батальон и почти весь день провел там. А на следующую ночь помощник начальника штаба батальона старший лейтенант Бутылин со взводом разведчиков отправился в тыл врага за языком. Сергеев приказал: «Без языка не возвращаться...» Это была вторая вылазка батальонных разведчиков. Предыдущая не дала никаких результатов: обнаруженный противником взвод возвратился ни с чем, неся на плечах раненых бойцов.

На этот раз с погодой разведчикам повезло: беспрестанно шел мелкий дождь. Но и в такую погоду финны были настороже. Они уже приноровились к тактике наших разведчиков, привыкли, что эти сумасшедшие русские, вместо того чтобы сидеть в землянках, именно в такую дрянью-погоду ползут на их позиции.

Старший лейтенант, вопреки советам командира батальона и майора Сергеева, повел разведвзвод прошлым путем. Он хотя и не был суеверен, но обыкновенное человеческое чутье подсказывало: разведчик не пойдет там, где его обстреляли вчера, ради осторожности он выберет иную тропу. Но так думают и финны. А он назло пойдет снова туда, где ему дали по морде! Пойдет — и на этот раз их обманет.

Дождь не переставал. Когда прошли передовую и добрались до опушки леса, старший лейтенант пропустил вперед взводного Клименко и старшего сержанта Шмакова, на ходу шепнув им: «Заходите

в лес справа», а сам остановил последних пяти-рых разведчиков и повернул в сторону моренной гряды, за которой укрывались финские склады. Именно здесь он планировал взять языка.

Егеря что-то затевали: повозки, грузовики в последнее время все чаще и чаще сновали у складов. Видимо, финны пополняли продовольствие, боеприпасы. Склады следовало бы сжечь, но прошлый раз разведчики не смогли этого сделать. Теперь Бутылин обязательно их сожжет. Его план был прост: лейтенант Клименко с большей частью разведчиков атакует с фронта сторожевые посты. Финны, конечно, бросят всю свою охрану в бой, а старший лейтенант тем временем с пятью бойцами подберется с тыла к складам и возьмет языка без шума. Затем подожгут склады и отойдут не к «нейтралке», как обычно, а в глубь леса, отси-дятся там и только вечером или следующей ночью пойдут к своим. Остальные же должны вернуться без них. На операцию отводилось ровно пол-часа — не больше.

В четыре утра Бутылин со своими бойцами вышел на исходную позицию. Разведчики залегли за валунами. Уже рассвело, и склады отсюда хорошо просматривались. Перед ними была только одна выш-ка, на которой маячил часовой. Две другие нахо-дились с фронтальной стороны, где сейчас залег разведвзвод Клименко. У ворот из колючей прово-локи стояли три грузовика, видимо прибывшие вчера и оставшиеся здесь на ночь. В половине пятого раздались первые винтовочные выстрелы, затем застрочили автоматы, прогремел взрыв — это Кли-менко завязал бой.

Старший лейтенант выждал еще десять минут, по-том повернулся к старшине Остроуху: «Матрос, пошел!» Тот выполз из-за валуна и змеей скрылся

в кустарнике. Бутылин почему-то не услышал одиночного выстрела, хотя и ждал его, он только увидел, как взмахнул руками часовой на вышке и больше не показывался. Старший лейтенант тут же вскочил на ноги и побежал к складам. Остальные бросились за ним. Они быстро подбежали к машинам и залегли под колесами одной из них. А Остроух с Федотовым нырнули в ближний склад, двери которого были приоткрыты, и неожиданно столкнулись с тремя егерями. Старшина, не раздумывая, выстрелил в финна, второго, который было уже поднял автомат, сразил Федотов. Третий, самый здоровый, выхватил нож и бросился на старшину. Остроух, не соображая, закричал по-немецки, видимо со злости: «Хальт, сволочь!» — и ударил финского солдата прикладом в живот. Тот, все же удержавшись на ногах, взмахнул ножом, но старшина, отскочив в сторону, снова дико крикнул: «Хальт, сволочь... Хальт!» Этим возгласом он, скорее, сдерживал себя, чтобы не выстрелить — здоровяк позарез нужен был живым! А финский солдат не понимал, почему на него орут «хальт!», и, выставив перед собой нож, не давал старшине приблизиться.

Выручил Бутылин. В один прыжок он оказался рядом с Остроухом и прикладом автомата все же сбил финна с ног. Вместе они скрутили ему руки, заткнули рот и потащили из склада.

— Поджигай! — крикнул на ходу старший лейтенант Федотову, когда они с Остроухом волочили пленного к машинам. — И отходить, всем отходить!

Может, все и обошлось бы, если бы в этот момент не подкатила к складам откуда-то взявшаяся машина. Разведчики не сразу ее заметили. Спрыгнувшие четверо егерей стали стрелять в отходившую с языком группу. Разведчики не успели достичь спасительного леса, как сначала ранило в руку

Группа разведчиков 85-й морской стрелковой бригады (1943 г.)

старшего лейтенанта, а затем наповал был убит язык.

— Отходить!— приказал старший лейтенант.

Остановились, когда стрельба у складов стала стихать.

— Опять ничего не вышло!— сплюнул с досады Бутылин, вытирая со лба пот.— А назад к складам возвращаться нельзя. Там теперь делать нечего.

— Товарищ старший лейтенант, давайте перевяжу?— показал на его руку старшина Остроух и достал из своего кармана индивидуальный пакет.— Промыть бы?— обернулся он к разведчикам, показывая на рану.

— Перевязывай так, чего ее промывать!— сказал Бутылин.— Кость целая, а мясо нарастет.

— Нет, лучше промыть, а то как бы заражение не пошло,— ответил старшина.

— Сейчас. Я мигом!— откликнулся Федотов и, отстегнув от пояса флягу, побежал в лес.

Вскоре он вернулся с водой.

Пока Остроух промывал рану старшему лейтенанту и перевязывал ему руку, Федотов, отойдя в сторону, стал всматриваться в просвет редкого леса. Потом подошел к Бутылину.

— Товарищ старший лейтенант, у меня есть одна задумка,— произнес он.

Бутылин молча посмотрел на него.

— Там в овраге родник... Добрый родник, вода холоднющая — аж жжет! И тропка к нему набита...

— Ну и что?— нетерпеливо бросил Бутылин, не понимая.

— Вот я и думаю,— продолжал Федотов,— не сделать ли нам возле него засаду?

Старший лейтенант встрепенулся, глянул на Федотова, заходил взад-вперед, прижимая раненую руку к груди. Затем остановился.

— Ну Федотов! Молодец!— похвалил он бойца за сообразительность. И, уже обращаясь ко всей группе, решительно заявил:

— Это шанс! Если к роднику пробита тропа, значит, финны им пользуются. Веди, Федотов!

Разведчики вслед за Федотовым спустились по оврагу к роднику. Старший лейтенант по-хозяйски осмотрел родник, который струился прозрачной водой из глубины земли и маленьким ручейком стекал по дну оврага. Трава вокруг него была прижата.

— Финны пользуются родником!— уверенно заявил Бутылин.

Он приказал всем спрятаться в густом ивняке, а старшине Остроуху велел подняться наверх и

укрыться так, чтобы его было видно только со стороны родника.

— Ты будешь за сигнальщика,— сказал ему старший лейтенант.— Если к роднику пойдет один финн или два, махнешь рукой, если трое и больше, поднимешь вверх автомат.

Федотову старший лейтенант приказал залечь метрах в двадцати от родника, рядом с тропой.

— Все. Теперь ждать. Может, повезет нам!

Ждали долго. Время тянулось медленно. Все устали от пустого сидения, и старший лейтенант уже потерял всякую надежду на удачу. Нехотя посмотрев в очередной раз туда, где находился Остроух, он вдруг увидел, что тот машет рукой.

— Всем приготовиться!— тихо приказал он.— Старшина подал сигнал!

Бойцы затаились.

Через несколько минут на склоне оврага показалась человеческая фигура. К разведчикам, укрывшимся в кустах, медленно приближался финский солдат. Пустые котелки, болтавшиеся у него в обеих руках, ударяясь друг о друга, издавали глухой металлический звук. Егерь шел беззаботно, насвистывая какую-то песенку.

Наконец он подошел к роднику. Наклонившись, замер, вероятно увидев в воде рядом со своим чужое отражение. Это Федотов, первым выйдя из-за кустов, встал у родника сбоку от финна. Тот сначала опешил, а потом, быстро сообразив в чем дело, рванулся было прочь, но Федотов тут же схватил его за ворот френча. Выскочили из кустов и остальные разведчики.

Финн с ненавистью и грустью смотрел на них, бросил котелки, поднял вверх руки.

Его связали. Когда же Федотов достал из кармана кляп, егерь отчаянно замотал головой. Федотов

посмотрел на старшего лейтенанта. Тот решительно кивнул, и пленному насильно запихали кляп в рот.

— Так надежнее!— сказал Федотов.

Финн ничего не понял, но покорно зашагал впереди разведчиков. Старший лейтенант собрал котелки у родника и забросил их подальше в кусты.

Когда разведчики тронулись в обратный путь, дождь почти прекратился, и только свинцово-серые тучи еще продолжали ползти по небу.

Пленного, к счастью, сразу никто не хватился, а когда начали его искать, старший лейтенант с бойцами уже переходили линию фронта.

На нейтральной полосе, в условленном месте, разведгруппу встретил взводный Клименко.

— Все в порядке?— тихо спросил он, подползая к Бутылину.

— В порядке,— кивнул тот головой.— А у тебя как?

— Четверо убитых, двое раненых,— ответил Клименко.— Еле ноги унесли... Спасибо капитану Тищенко: помог нам со своими автоматчиками.

— Дай попить,— попросил старший лейтенант.

Клименко отстегнул от ремня флягу и протянул старшему лейтенанту. Бутылин жадно глотал воду. Подползли Остроух с Федотовым, которые ташили языка. Бутылин передал им флягу. И тут пленный неожиданно заерзал, закрутился, замотал головой.

— Всю дорогу тихо вел, а тут занервничал!— замахнулся на него Остроух.

Старший лейтенант остановил его.

— Он пить хочет.

Федотов посадил пленного, выдернул кляп и приложил флягу к его рту. Тот, задрав как гусь голову, застучал зубами по алюминиевому горлышку фляги.

Федотов невольно рассмеялся.

— У родника-то попить ему не дали...

— Тихо! — оборвал его старший лейтенант и приказал двигаться дальше.

«Нейтралку» разведчики миновали незамеченными и вскоре были у своих. Их с нетерпением ждал начальник штаба бригады. Увидев перед собой долгожданного языка, Сергеев обнял старшего лейтенанта.

— Спасибо, Бутылин! — просто поблагодарил он.

А старший лейтенант в это время думал о тех, кого придется вычеркнуть из списков взвода батальонной разведки из-за проклятого языка. Тогда он еще не знал, что совсем скоро в составе отвлекающих групп ему со своими бойцами придется имитировать атаку в этом же самом районе «нейтралки», откуда он только что вышел, проще — «пошуметь», чтобы дать возможность другим разведчикам пройти незамеченными в другом месте. Тогда он не знал, да и не мог знать, что штаб бригады разрабатывал крупную диверсионную операцию, ради которой он и ходил за языком.

г. Кемь 12 августа 1942 г., 10 час.

Командующий 26-й армией генерал-майор Никишин созвал на совещание всех командиров, начальников штабов дивизий и бригад, чтобы ознакомить их с новыми директивами Генштаба и одновременно довести план дальнейших действий подчиненных армии частей в сложившихся условиях окопной войны.

Подполковник Солдатов вместе со своим начальником штаба майором Сергеевым тоже прибыл в штаб армии, который располагался в Кемии. Комбриг решился на этот раз во что бы то ни стало добиться приема у командующего армией и изложить свои мысли по поводу бездействия бригады.

Открыл совещание сам командарм. Сначала он зачитал директивы Генерального штаба, затем приказы командования Карельского фронта и Верховного Главнокомандующего.

— Товарищи командиры, я прошу вас еще раз особо обратить внимание на два последних приказа товарища Сталина — это приказ № 227 «Ни шагу назад!» и приказ от 1 мая, — Никишин помолчал, оглядывая присутствующих, затем продолжил. — Эти приказы суровы, но они необходимы. Некоторые из вас, наверное, думают, что для условий нашего фронта они неприемлемы. Это не так. Вспомните последнее наступление на кестеньгском направлении? Его неудачное проведение, а я считаю именно так, — подчеркнул генерал, — определили прежде всего неграмотное управление частями и, конечно же, слабая воинская дисциплина. У нас свыклись с положением: если что не так, мол, ничего — командование поправит. А за этим «если что не так» — сотни, а иногда и тысячи жизней советских солдат! И дальше мы не станем мириться с тем, чтобы из-за неграмотности и расхлябанности некоторых командиров бессмысленно гибли люди. Нужно учиться воевать по-новому, с учетом возросшего потенциала технической оснащенности армии.

Теперь остановлюсь на обороне. Как указывается в директиве Генштаба, оборона у нас действительно в тактическом отношении подготовлена недостаточно продуманно. Ее следует развить в глубину, установить дополнительные огневые точки на

флангах и стыках, расчистить от леса большую площадь перед передним краем обороны. Нужно срочно, если кто еще не сделал, дооборудовать все необходимые инженерные сооружения. Нельзя забывать и о маскировке боевых порядков. Главная полоса обороны, как уже принято нами, должна состоять из нескольких позиций, на которых организуются батальонные районы, а внутри них — батальонные узлы. Они главные опорные пункты рот, резерва...

Подполковник Солдатов сначала внимательно слушал командующего, в чье подчинение входила бригада, но потом его внимание отвлек тощий клоп, выползший неизвестно откуда на рукав гимнастерки. Он с брезгливой неприязнью страхнул клопа на пол и с шумом задвигался на стуле, стараясь раздавить его сапогом. «Откуда, черт возьми, взялась эта гадость!» — с беспокойством он стал осматривать низ гимнастерки, галифе — нет ли еще. На него обратили внимание, и комбриг, заметив это, выпрямился, стыдливо притих. На командарма, когда тот снова заговорил об обороне, Солдатов уже смотрел отсутствующим взглядом. «Дзоты, опорные пункты, узлы, блиндажи — сколько их выстроила бригада! В саперов превратились бойцы, — думал он. — Не свою оборону укреплять надо, а громить вражескую! Враг тоже ведь строит, укрепляется. Потом все равно брать ее придется — вот тогда людей терять начнем в сто крат больше!»

— Товарищи командиры! По некоторым заявлениям, а если быть точнее, по заявлениям оперативного отдела, — продолжал Никишин, — в частях зреет недовольство тем, что мы недостаточно беспокойим противника налетами на его гарнизоны, укрепрайоны. Хотя для отдельных частей такая возможность имеется... Правильно я говорю?

Среди присутствующих возникло оживление. Подполковник Солдатов напрягся: «В точку попал. Будто прочитал мои мысли».

— Так вот. Командование фронтом поддерживает такие настроения. Перед вами ставится задача: время от времени переходить в наступление силами полка и даже батальона, если, конечно, условия сопутствуют этому. Такие частные операции будут сковывать силы противника, заставят держать резервы на местах и не дадут ему возможности перебрасывать их на другие участки фронта. Но подобные операции должны тщательно прорабатываться штабами, чтобы не допустить промахов. А их у нас, к сожалению, предостаточно. Я повторяю: мы должны учиться воевать по-новому! Наступление наших войск не за горами, и к этому надо готовиться уже сейчас. Отступать мы, слава богу, научились, а вот наступать — нет. Особенно плохо работаем с разведкой. Доверяем поверхностным, зачастую непроверенным данным и на них строим свои расчеты. А ведь по-настоящему проведенная разведка — это половина успеха операции. Об этом следует помнить всегда. Я уверен, подними сейчас любого из вас и спроси, что за часть противостоит вам, какова мощь укреплений врага, как он вооружен, никто точно не скажет. А знать надо бы. Как вы будете наступать, если вдруг завтра последует такой приказ? Поднимете батальоны — и вперед?! Нет, дорогие товарищи, сегодня так воевать уже нельзя. Только точные и полные сведения о противнике, дислокации всех его частей, огневой мощи дадут возможность разработать наиболее оптимальный вариант наступления. Поэтому разведку коммуникаций врага, включая и его тылы, ведите постоянно, проверяйте и перепроверяйте, советуйтесь и обменивайтесь данными разведки со своими

соседями. Настоящий командир должен знать о противнике если не все, то почти все — вот тогда он сможет воевать не вслепую, а с полным знанием дела, смело маневрировать своими резервами.

Майор Сергеев незаметно наклонился к Солдатову и шепнул ему на ухо: «Николай Кириллович, на доклад идите лучше к полковнику Козлову, командарм вас слушать сегодня не станет».

Солдатов вопросительно посмотрел на своего начальника штаба: почему? В поезде, когда они ехали сюда, комбриг договорился с Сергеевым, что он сам добьется приема у командарма, а начштаба напросится к Козлову. Они решили добиваться, чтобы их вывели из резерва армии и направили на передний край. Еще в поезде, взвесив все «за» и «против», они остановились именно на этом варианте. Никакой уверенности в том, что их поймут, не было. Но зато командарм будет знать их боевой настрой и в нужный момент учтет просьбу. А начальник штаба армии полковник Козлов — чтобы был в курсе, его слово для командарма не последнее.

Сергеев вновь прошептал: «Так будет лучше!» Но Солдатов упрямо мотнул головой — нет, только к командарму!

Никишин закончил свое выступление кратким обзором состояния дел на фронте и характеристикой сил и средств противника по последним данным разведки. На этом он хотел было закрыть совещание, но, вдруг вспомнив, что не сказал чего-то важного, стал перелистывать бумаги в своей красной папке, лежавшей на столе.

— Да, вот еще что, — наконец нашел он то, что искал. — В армии участились случаи заболевания цингой. Есть предписание высшего медицинского начальства фронта — готовить хвойный настой и вы-

давать его красноармейцам. Это обязательно. Нам не нужны беззубые бойцы, наоборот, нужны зубастые,— закончил командарм, улыбаясь.— Вопросы есть? Нет? Тогда все. Кому что надо, обойдите службы — и по частям.

Все шумно задвигали стульями и стали покидать кабинет командующего армией. Солдатов тоже поднялся, но не спешил к выходу. Он решил действовать сразу, чтобы затем не обращаться к адъютанту командующего.

— Товарищ генерал, разрешите обратиться? Никишин поднял голову.

— Слушаю вас.

— Командир 85-й отдельной морской бригады подполковник Солдатов!— представился он, вытянувшись.

— Слушаю вас, подполковник,— Никишин показал на стул, приглашая сесть.

Но Солдатов остался стоять.

— Товарищ генерал, вы говорили нам, что в частях растет недовольство по поводу бездействия наших войск на фронте...

— Я так не говорил,— перебил его командарм.— Я говорил об увеличении операций против противника, чтобы он не чувствовал себя столь спокойно, как хотелось бы ему. Это я говорил.

— Так точно, товарищ генерал!— поправился Солдатов.— Наша бригада тоже так считает. Но вот уже более трех месяцев ее перебрасывают с места на место — и все во второй эшелон обороны. Моряки недовольны. Среди них есть защитники Севастополя и Одессы, много таких, которые призваны из городов, оккупированных сейчас фашистами, все они горят желанием бить врага и рвутся в бой. Поэтому у меня к вам большая просьба: переведите бригаду на передний край обороны!

Никишин поморщился. Лицо его посуровело.

— Странная у вас просьба, подполковник,— помедлив, заговорил командарм.— Вы в армии, в действующей армии! Где существуют только приказы, а не просьбы! Вам это понятно?!

Солдатов замер по стойке «смирно» и молчал.

— А приказы в армии, как должно быть вам известно, не обсуждают, их выполняют!— Никишин хотел было просто-напросто выставить зарвавшегося подполковника за дверь, не объясняя больше ничего, но тут вдруг вернулся в его кабинет начальник штаба полковник Козлов с дивизионным комиссаром Батраковым и командарм не успел сделать этого.

— Вот, Георгий Константинович,— обратился он к Козлову,— командир 85-й бригады подполковник Солдатов пришел ко мне с просьбой перевести его непосредственно на передовую. Может, у тебя какой полк или дивизия отдохнуть просятся, так не заменить ли нам их бригадой? В бой подполковник сильно рвется!

Козлов повернулся к Солдатову, кивнул головой вместо приветствия. Он день назад возглавил штаб армии и не понял, шутит с ним Никишин или нет.

— В бой рвется — это хорошо!— первым проговорил Батраков.— Вот только готова ли бригада к этому?

— Его бригада, видите ли, морская. А моряки — народ горячий, всегда готовы: до пупа разденутся и айда куда скажут, хоть бога с неба стащат, хоть черта за хвост приволокут!

Солдатов налился кровью от злости, но продолжал молчать.

— Скажи-ка мне, Георгий Константинович, в

каких боях участвовала бригада Солдатова?— спросил командарм у Козлова.

— Практически ни в каких,— ответил начальник штаба,— если не считать участие ее первого батальона в составе 289-й дивизии десятого февраля в операции за овладение 14-м разъездом Кировской железной дороги.

— А теперь ты, подполковник, ответь: какие на сегодняшний день потери в бригаде?— повернулся командарм к Солдатову.

— Девяносто три человека убитых, сто тридцать шесть раненых.

— Вот, пожалуйста. В боях бригада не участвовала — и такие потери! Вам это о чем-нибудь говорит, подполковник?

— Товарищ генерал, бригада постоянно ведет строительство оборонительных линий, а авиация противника господствует в небе,— попытался объяснить Солдатов.

— Нет, подполковник, дело не в авиации противника!— перебил его командарм.— Все ваши потери от неумения действовать в условиях нашего фронта. Здесь не нужны матросы, здесь нужны умные, выносливые солдаты! Со смекалкой, хитринкой, если хотите, с простой мужицкой хваткой! Ну какой прок здесь, в лесах и болотах Карелии, от бесшабашной храбрости твоих матросов? Никакой! Надумай я бросить твою бригаду на горячий участок фронта, финские «кукушки» расстреляют ее по частям. Нет, подполковник, давай переучивай своих матросов воевать по-нашему, с хитринкой. А в пекло еще успеешь попасть. Все впереди!— и, уже обращаясь к Козлову, сказал:— Надо посмотреть, Георгий Константинович, в запасном полку в Кеми хватких красноармейцев, желательно из местных, и пополнить ими бригаду...

— Да, это правильно,— поддержал командарма комиссар Батраков.— Нужно укрепить бригаду пехотой, поднять дисциплину, требовательность. Прежде всего среди самих командиров. А то ведь в бригаде, наверное, еще помнят случай с лейтенантом Кирилюком, который попал под трибунал?

Солдатов знал об этом случае, хотя тот произошел еще до того, как он принял бригаду. Лейтенант Кирилюк был назначен командиром взвода охраны тыловых складов в Надвоицах. В одну из зимних ночей на них напали финские разведчики и всю охрану перебили. Сам Кирилюк успел выскочить из караульного помещения и остался живым. Но за утрату бдительности, за беспечность его отдали под трибунал. Кирилюк был разжалован в рядовые и отправлен в штрафной батальон.

— Вот все, подполковник. Учти наши замечания и готовь бригаду к будущим боям. А сейчас выполняй тот приказ, какой тебе отдан,— сказал командарм.— Твой час еще не пришел. Но он скоро придет! Вот тогда мы спросим с тебя сполна. Веди разведку обороны противника — в будущем это пригодится,— заключил Никишин и встал из-за стола, давая понять, что разговор закончен.

— Разрешите идти, товарищ генерал?— вытянулся Солдатов.

— Идите,— бросил Никишин.

Солдатов, весь раскрасневшийся, вышел из кабинета командарма.

В коридоре ожидал майор Сергеев. На его вопросительный взгляд, Солдатов только зло сверкнул глазами и махнул рукой.

В тот же вечер они уехали к себе в бригаду.

мыс Каллиолахти
17 августа 1942 г., 5 час. 15 мин.

Разведчики отдельной разведроты были немало удивлены, когда их командира, капитана Афанасьева, неожиданно назначили начальником 2-го отдела бригады, а роту принял совершенно неизвестный им капитан Ковалев. Новый комроты был молодой стройный командир — из тех, кто заканчивал военное училище перед самой войной, и она, война, затем переучивала их заново. Ковалев был ровесником большинства рядовых разведроты и, не будь в его петлицах капитанской «шпалы», ничем бы не отличался от них. Мальчишка — и только! Но эта «шпала» в петлицах кое о чем говорила...

Храбр, вынослив, выдержан, спокоен, участвовал в рейдах по тылам противника — так кратко характеризовал его командованию бригады подполковник Потапов из армейского разведуправления. Солдатова же в Ковалеве подкупала деревенская простота. Родом из Ростовской области, он не походил на тех говорливых и суетливых южан, которых было много в бригаде, скорее наоборот — более чем молчалив и главное — исполнительен. Поэтому подполковник без колебаний подписал приказ о назначении Ковалева командиром разведроты сразу же, как только тот прибыл в бригаду.

Ковалев принял роту в «опальное», как выражались сами разведчики, время. После совещания в штабе армии комбриг потребовал еще большей активности от разведвзводов батальонов и отдельной разведроты. А активность эта означала увеличение числа вылазок на передовую врага. И теперь разведчики несли больше всех потерь. Бригадное кладбище на 35-м километре шоссе Кочкома—

Реболы стало разрастаться могилами не только тех, кто погибал от авианалетов, но и разведчиков, тела которых верные товарищи не оставляли на поле боя, а выносили к своим. Не стало таких опытных разведчиков, как А. Шмаков, И. Лугарев, В. Веремщук, П. Александров, В. Фокин, С. Иселудов, В. Протас, и многих других, которыми гордилась вся бригада. Их морскую форму как боевую реликвию передали новичкам, пришедшим на замену.

Однако особо тяжелые потери у разведчиков были еще впереди. Капитану Ковалеву, который не успел как следует освоиться в новой роли, командование поставило задачу: произвести разведку позиций противника на высотах 152,6 и 159,3, а также на стыках частей 127-й стрелковой дивизии в районе Ондозера. Ковалев точно не знал, зачем это нужно, но по той пространной территории, где должны были действовать его разведчики, определил: по всей видимости, готовится крупная операция против финнов и потребовался «коридор», чтобы незамеченными пройти оборону противника.

Ковалев сам с группой разведчиков не раз ходил на скалистый мыс Каллиолахти и в бинокль наблюдал за Сяностромом в северной части озера. Именно этим районом больше всего интересовался начальник штаба бригады майор Сергеев. После каждой проведенной разведки он вызывал к себе Ковалева и, разостлав на столе карту, дотошно расспрашивал о каждой тропе, каждой речушке — обо всем, что видели разведчики. Если не получал совершенно точного ответа, заставлял вторично произвести разведку. И каждый раз требовал: «Следить за движением противника по озеру. Мне необходимо точно знать, куда и откуда, на каких лодках, катерах передвигаются финны по озеру. Это обязательно нужно знать!»

Капитан Ковалев специально для этого установил постоянные посты наблюдения за озером, но ни лодок, ни катеров никто из разведчиков ни разу не заметил. Лишь однажды, в полночь 16 августа, старшина Мочихин и красноармеец Гвасалия, находившиеся в секрете, увидели, как из-за дальнего мыса вынырнула небольшая лодка с тремя финскими солдатами на борту и направилась к Сянострову. Не доплыв метров сто-сто пятьдесят до острова, лодка завертелась на месте, видимо, находившиеся в ней что-то искали здесь, затем вдруг повернула назад и скрылась за мысом. Об этом разведчики доложили капитану Ковалеву.

На следующую ночь командир разведроты со старшиной 2 статьи Иваном Хорошиловым, рядовыми Павлом Талашевым и Михаилом Гуляковым сам пошел в секрет. Всю ночь они пролежали в прибрежном кустарнике, а на озере так никто и не появился. Зато под утро, когда с озера сошел туман и за их спиной взошло солнце, Ковалев смог рассмотреть в бинокль деревню на противоположном берегу озера и ее окрестности. Окуляры бинокля приблизили ее так близко, что виден был почти каждый дом. Освещенная солнцем деревня, вытянутая по берегу, была как на ладони. Только несколько домов, прятавшихся за соснами, не просматривались в бинокль, но по тому, как из-за деревьев поднимались тонкие нити дыма, комроты определил, что именно там и квартируют сейчас солдаты гарнизона.

Ковалев продолжал наблюдать за деревней. «Раз топят печи, значит, кто-то должен появиться на улице», — подумал он и, не отрывая глаз от бинокля, всматривался в каждый дом. Его терпение наконец было вознаграждено. Из избы вышла группа людей. Они не спеша направились к центру деревни. Когда поднялись на пригорок, капитан

рассмотрел, что это не финские солдаты — ни у кого из них не было оружия. Потом Ковалев заметил троих с автоматами в руках и понял: там пленные, а эти трое с автоматами — охрана. Их, вероятно, вывели на какие-то работы.

Вскоре группа пленных или гражданских, согнанных на принудительные работы, скрылась из зоны видимости, а Ковалев все следил и следил за деревней, водя биноклем из одного ее конца в другой...

Наступил полный рассвет со всеми его броскими и неброскими красками, обычный августовский рассвет, какой бывает в Карелии. Солнце уже поднялось довольно высоко, и с зарождением нового дня постепенно пробуждалась вся природа. Птичий гомон все сильнее вторгся в лесную тишину, в тростнике всплеснула какая-то рыбина, а над озером стремительно пронеслась свистя крыльями, пара уток.

— Товарищ капитан, закурить бы? — зашевелился лежавший рядом в кустарнике Талашев. — В горле все пересохло. Потихоньку, одну закрутку на всех?

Ковалев отрицательно качнул головой.

На мгновенье капитан оторвался от бинокля, закрыл глаза, которые начали болеть от увеличительных стекол окуляров. И тут же перед ним вдруг предстала родная донская степь, отцовский хутор Соленый и такая же августовская ночь, только по-южному сочная, темная, с теплым ласкающим ветерком. Летом он никогда не спал дома, в духоте, а забирал легкое шерстяное одеяло и отправлялся в сад, в небольшую сторожку, сооруженную отцом. Ароматный запах яблок, монотонное стрекотание сверчков долго не давали ему заснуть, и тогда он начинал мечтать, стараясь представить свое будущее.

А будущее рисовалось ему прекрасным. Он мечтал стать военным. В Новочеркасске, куда не раз ездил, встречались на улицах военные — стройные, аккуратные, в красивой форме, с начищенными до блеска пуговицами.

И вот он стал военным, а покрасоваться формой перед отцом и матерью, станичниками ему не пришлось — началась война. Да и парадную фуражку он надевал лишь несколько раз. Война разом перечеркнула все его представления о красоте, внешности, этике поведения. Даже природа воспринималась им не так, как раньше. И запах яблок отцовского сада остался в его памяти как нечто мешанское, излишнее, блаженное желание.

Война выдвинула на первый план совершенно иные человеческие качества, считавшиеся им ранее либо недостатками, либо даже низменными. Чем черствее, злее и грубее был человек, тем он надежнее считался на войне. Тот, кто шел в атаку с матом, с безжалостным стремлением убить во что бы то ни стало другого человека, оказался лучше аккуратенького, стройненького военного мирного времени. Ковалев и по себе заметил, как быстро огрубела его душа, раньше искавшая поэзии, как быстро изменилось его отношение к тем или иным человеческим качествам. И казалось, что все недавнее светлое, чистое ушло безвозвратно. Вот и сейчас это яблочно-детское воспоминание родных мест было чем-то неестественным...

Капитан Ковалев больно нажал пальцами на глаза, до темных кругов — видение исчезло, и он снова прильнул к биноклю.

Проснулась через полчаса и передовая. Где-то справа от разведчиков утреннюю тишину прорезала далекая автоматная очередь, затем дважды ухнул миномет.

Ковалев хотел было опустить бинокль и прекратить наблюдение, как вдруг увидел в окуляры небольшое матовое облачко, неожиданно появившееся из-за скалы за деревней. Спустя секунду-другую до него донесся глухой орудийный выстрел. Снова оттуда же выплыло матовое облачко и снова — выстрел. «Да там у них батарея!» — почему-то обрадовался увиденному Ковалев. Он напряг зрение — и опять из-за той же скалы рассмотрел матовый дымок. И опять с берега озера донесся орудийный раскат. «Точно, там у них батарея!» — капитан достал из кармана гимнастерки карандаш, листок бумаги и быстро набросал схему, где, по его мнению, укрывалась батарея противника.

В семь утра, когда прибыла смена разведчиков, Ковалев приказал внимательнее следить за озером, а сам покинул пост наблюдения.

штаб бригады 20 августа 1942 г., 12 час.

20 августа капитана Ковалева вызвали в штаб бригады. Там он узнал, что разведрота работала все эти дни и ночи не только ради сбора данных об обороне частей 14-й пехотной дивизии финнов, противостоящих на их участке фронта, и что командование бригады решило провести операцию против финского гарнизона в Ондозере и разгромить его.

Ковалева вызвал к себе капитан Афанасьев для уточнения местонахождения вражеской батареи, которую разведчики обнаружили в Ондозере.

Бывший командир разведроты, недавно ставший начальником разведотдела бригады, Афанасьев

встретил его радушно, как своего старого знакомого.

— Как дела, Николай? Не обижают тебя ротные скалозубы?

Ковалев пожал плечами.

— Они, я знаю, не любят новых командиров. Прозвище тебе еще не дали? Меня они звали «Афонсом». Придумают же, черти!

— Пока еще ничего такого не слышал,— ответил, улыбнувшись, Ковалев.— А в общем живем дружно.

— Ну и превосходно!— заявил Афанасьев.— В разведке иначе нельзя.— Затем подозвал его к столу, на котором лежала карта.— Так где ты засек батарею?— спросил он.

Ковалев наклонился над картой, отыскал Ондозеро.

— Вот здесь, в сосновом борку, три дома, там, как я уже докладывал, лагерь военнопленных...

— Почему ты так решил?— перебил его Афанасьев.

— Я видел, как оттуда выводили людей на работы,— ответил Ковалев.— В крайнем случае — это гражданские, согнанные на принудительные работы.

— Как они были одеты?

— Далеко слишком, еще туман мешал, но, по моему, на некоторых форма красноармейская.

— Так. А где батарея?— снова спросил Афанасьев, делая отметку на карте.

— Батарея метров на триста левее этих домов, за скалой. Но это предположительно.

— Калибр стволов по выстрелам не определил?

— Думаю, семьдесят пять миллиметров.

— Ну а финнов не заметил — в деревне их много?

— Обслуга батареи, охрана лагеря, пост наблюдения — на самом берегу озера вышка выстроена,—

уточнил командир разведроты,— полагаю, что-то вроде комендатуры у них там обязательно есть. Словом, человек тридцать-сорок, не больше. Но точно ответить не могу.

— Так, так,— задумчиво произнес Афанасьев и заходил по комнате.

Некоторое время он молчал, потом резко остановился и повернулся к Ковалеву:

— Николай, командование бригады решило разгромить гарнизон в Ондозере. Раньше я тебе об этом сказать не мог — только вчера план операции утвердил комбриг, теперь дело за нами.

— Вообще-то я догадывался,— ответил Ковалев.— Только не понимаю, для чего нужно было проводить такую фронтальную разведку?

— Сейчас сам все узнаешь от комбрига,— сказал Афанасьев.— В 12 часов он вызывает к себе по этой операции. А сейчас ты мне вот что скажи: прямой удар через озеро по гарнизону, внезапно, так, чтобы опомниться не успели... Возможен?

Ковалев задумался. Долго молчал, затем ответил:

— А что?! Через озеро они вряд ли нас ждут. Хотя за ним они в общем-то следят с вышки, но если в два броска ночью — сначала на Сяностров, а с него — на гарнизон, то вполне может получиться. Только где взять столько лодок?

— Лодки как раз есть, из деревни они угнаны на этот берег. Там колхоз был. Война началась — людей эвакуировали, а лодки, чтобы врагу не достались, перегнали на этот берег и по загубинам спрятали. Если не хватит — с Кучезера еще доставят.

Ковалев хотел было спросить у начальника разведотдела, кто будет командовать операцией, но не решился. Хотя, что гадать, по-видимому, разгромить гарнизон финнов в Ондозере поручат его разведроту, а значит — ему.

— Николай, насчет лагеря военнопленных в деревне ты комбригу не говори,— вдруг заявил Афанасьев.

Ковалев вопросительно посмотрел на него.

— Почему?

— Не говори и все,— настаивал начальник разведотдела.

— Но комбриг, как я понимаю, должен знать. Кроме того, при проведении операции это надо будет учитывать, чтобы под огонь не попали пленные.

— Во-первых, у тебя нет совершенно точных данных, что в Ондозере находится лагерь военнопленных. Тебе могло и показаться. Во-вторых, а это главное, Солдатов не любит, когда говорят о пленных. Для него все пленные — трусы, предатели. Словом, это может повлиять на ход операции. А там, на месте, мы сами разберемся.

Когда Афанасьев сказал «на месте сами разберемся», командир разведроты понял, что на Ондозеро они пойдут оба, но возглавит десант сам начальник разведотдела.

— Сначала нападение на гарнизон предполагалось провести по суше, севернее Ондозера. Но проведенная разведка третьим батальоном показала, что до деревни скрытно пройти трудно. Подтвердил это и захваченный язык.

— Языка брал тоже третий батальон?— спросил Ковалев.

— Да, за ним ходил помначштаба батальона Бутылин,— ответил Афанасьев. Затем достал из кармана гимнастерки часы, посмотрел время и стал сворачивать карту.— Пора идти к комбригу.

Уже в приемной всегда спокойный и уравновешенный Ковалев вдруг разволновался: ему почему-то стало казаться, что разведку западного берега Ондозера надо было вести более основательно. Ста-

нет подполковник расспрашивать дотошно, и он начнет спотыкаться. Знай заранее, что именно там готовится операция, он бы прошупал деревню не в бинокль, а на брюхе, у самого гарнизона.

Афанасьев, заметив волнение, истолковал его по-своему и успокаивающе похлопал по плечу: «Не дрейфь, он тоже когда-то был капитаном!»

Они вошли к комбригу, и Афанасьев доложил:

— Товарищ подполковник, прибыли по вашему приказанию.

— Ну вот и наша разведка явилась,— не вставая, проговорил Солдатов.— Так сказать, глаза и уши бригады.

У комбрига находились батальонный комиссар Девяшин, начальник политотдела Калачиков и начальник штаба майор Сергеев.

— Теперь все в сборе. Прошу вас, Лев Львович,— повернулся к Сергееву комбриг,— доведите план операции по Ондозеру.

Сергеев встал из-за стола, подошел к карте, висевшей на стене. Ковалев сразу обратил на нее внимание. Деревня Ондозеро была обведена на карте красным карандашом, а чуть правее от нее, где обозначена линия фронта, проведены две заштрихованные стрелы.

— План разгрома гарнизона противника в Ондозере разработан штабом в соответствии с директивными указаниями командования фронта: сковывать силы врага, заставляя держать его резервы на местах и не давать ему перебрасывать их на другие участки,— начал майор Сергеев.— Кроме того, эта операция позволит нам выяснить систему оборонительных сооружений противника для будущих наступательных боев. Основная задача — ночными действиями десантного отряда, численностью 150—160 человек, уничтожить гарнизон, вывести из

строю артбатарею, захватить языка и, по возможности, документы гарнизона. Для отвлечения внимания врага от действий десантного отряда две другие группы, численностью до двухсот человек, выдвигаются на передовую в район высот 152,6 и 159,3. Их задача — сковать там противника, не позволять перебрасывать резервы для оказания помощи гарнизону в Ондозере...

— Как собираетесь держать связь с десантом? — перебил начальника штаба Солдатов.

— Для обеспечения управления действиями десантного отряда ему выделяется рация 6ПК.

— Огневая поддержка десанту в случае чего? — снова спросил комбриг. — Хотя, я думаю, вы учли все, чтобы не произошло этого «в случае чего»?

— Поддерживать десант будет взвод 82-миллиметровых минометов с опорного пункта 8408-1. Вот здесь, — начальник штаба показал на карте, где будет установлена минометная батарея. — В случае преследования отряда во время отхода по озеру, например финскими катерами, наши минометчики прикроют его заградительным огнем.

— Так, — удовлетворенно проговорил комбриг.

— Для переброски десанта на западный берег озера выделяется тридцать три деревянные лодки...

— И главное, ребята, — опять прервал комбриг начальника штаба, обращаясь уже к Афанасьеву и Ковалеву, — операцию надо провести быстро. Как говорится, сделал дело — и назад! Успеть надо до рассвета, иначе их самолеты достанут вас на озере.

Теперь капитан Ковалев точно знал, что операцию по разгрому финского гарнизона в Ондозере поручают его разведчикам. Десант, конечно, возглавит Афанасьев.

— Штаб разработал на этот случай запасной вариант, — как бы отвечая комбригу, сказал майор

Сергеев.— В случае невозможности по завершении операции вернуться на наш берег через озеро, десантный отряд обходит деревню с севера и прорывает фронт у высоты 152,6. По получении сигнала — три красных ракеты — ему помогают две роты первого батальона майора Кольбы и одна из групп сковывающего направления.

— В десантный отряд надо бы подобрать самых надежных красноармейцев и краснофлотцев, в первую очередь — комсомольцев и коммунистов,— заговорил до этого молчавший начальник политотдела Калачиков.— Операция рискованная, никто из нас не может поручиться за абсолютный ее успех. Мы не знаем, какие силы врага во вторых эшелонах, поблизости от гарнизона...

— Конечно, мы посылаем людей не на базар!— вспыхнул Солдатов.— Но настраивать их на то, что операция рискованная,— значит вообще не верить в ее осуществление!

— Но я высказал только свои опасения,— покраснел Калачиков.— Осторожность и предусмотрительность никогда не помешают...

— Хватит пораженческих настроений!— стукнул кулаком по столу комбриг. Он недолюбливал Калачикова. Недолюбливал не за характер или внешность, а за то, что тот торопился докладывать армейскому командованию, не посоветовавшись с ним, о происходящем в бригаде. Но считаться с ним Солдатову волей-неволей приходилось.— Операция разработана на точных разведанных, все варианты продуманы. И я не вижу никакого риска. Действовать надо смело и решительно — в этом залог успеха!

— Правильно. Действовать надо решительно!— поддержал комбрига батальонный комиссар Девяшин.— И людей надо настраивать на это. Десантный

отряд следует сформировать из моряков. Народ горячий, они вмиг расправятся с этим гарнизоном!

— Разрешите, товарищ подполковник? — подал голос до этого молчавший капитан Афанасьев.

Все повернулись в его сторону. Комбриг кивнул головой.

— Основной костяк десанта должны составить разведчики. Я не против моряков, но операция диверсионного характера и поэтому здесь требуется не только храбрость.

Солдатов рассмеялся.

— Честь мундира превыше всего? Правильно, разведка! Тебе, капитан, вести отряд, тебе и формировать его. Однако, я думаю, чтобы особо не терзать подразделения, отбери из рот добровольцев, о матросах тоже не забудь. Ведь операция почти морская! Капитан Ковалев пойдет твоим первым заместителем. Все. О сроках проведения операции будет сообщено дополнительно, когда к ней подготовитесь. Действуйте!

Когда майор Сергеев, Афанасьев и Ковалев вышли, комбриг встал, подошел к дверям, плотнее закрыл их.

— Я должен поставить вас в известность, — обратился он к Девяшину и Калачикову, — что наша операция — это не просто разгром финского гарнизона в Ондозере. Это своего рода еще и отвлекающий маневр. Органами НКВД, по-видимому, проводится заброска людей в глубокий тыл противника. Они будут проходить на нашем участке. Мне не сказали, кто, для чего и где, но дату проведения нашей операции установили — обязательно в ночь с первого на второе сентября. В два часа, ни минутой позже, десант должен атаковать гарнизон, а подразделения сковывающего направления в это же время — произвести ложную подготовку

к началу наступления. Это во-первых. Во-вторых, мы слишком долго сидим во втором эшелоне. Слишком долго! Это деморализует людей. Они начинают при-выкать к мысли, что на войне можно провоевать и так — рядом с войной: вроде воюешь, а вроде и нет. А в самый неподходящий для нас момент бригаду из резерва вдруг бросят в пекло. Знаете, как говорят в штабах армии, фронта в такие моменты: в бой вступают свежие части — это про нас с вами. А какие, к черту, мы — свежие части, если у людей отсутствует боевой дух, если они по-настоящему не нюхали пороха? Меня попрекают излишними потерями личного состава, при этом с удивлением заявляют: какие могут быть потери, если бригада не участвовала в крупных операциях?! Будто никому невдомек, что противник еще стреляет из орудий, его авиация что хочет, то и делает в небе! И тем обиднее должно быть всем нам, что потери эти действительно бросаются в глаза. А проведи мы одну-две дерзкие операции, с шумом на весь фронт, — наши потери перестанут быть излишними, бригада завоюет определенную славу, к тому же наши люди приобретут боевой опыт. И нечего нам осторожничать, выдалась возможность — бей врага, уничтожай его. Победа оправдывает любые потери! На войне без них, как вы понимаете, не обойтись. Поэтому нам с вами надо настраивать людей по-боевому... Только так, и никак иначе!

Начальник политотдела понял, что все это относится к нему, не удержался и спросил:

— В штабе армии об операции знают?

Солдатов ничего не ответил, только зло глянул, сел на место и вытер ладонью капельки пота, выступившие на морщинистом лбу. Ему хотелось сказать Калачикову, что не его это дело и что никто и никогда не переубедит его, Солдатова. На войне

выигрывает всегда тот, кто решителен в действиях, кто не оглядывается по сторонам, а стремится победить во что бы то ни стало! Но он не сказал этого — не настало еще время.

Через месяц, 20 сентября 1942 года, когда его вызовут в штаб армии, а затем и в управление фронтом для объяснений за ондозерскую операцию, он выскажет свои убеждения горячо, зло, возбужденно — и в чем-то останется прав. Хотя командовать 85-й бригадой после этого ему уже не придется...

квадрат 8814
31 августа 1942 г., 18 час.

Капитан Афанасьев к концу августа закончил формирование десантного отряда. Добровольцев было много, но из всех рот и батальонов начальник разведотдела отобрал только 140 человек. В основном это были смелые бойцы, которых взводные характеризовали просто: «Прошел огонь и воду...», «От пуль не прячется...» Как ни хотелось Афанасьеву сколотить отряд из одних разведчиков и автоматчиков, однако волей-неволей ему пришлось включить в него саперов, санитаров, военфельдшера, двух радистов, снайперов. И все равно костяк отряда составили моряки, большая часть из которых старшины 1 и 2 статьи. Упросили записать в десант взводы полностью младший лейтенант Сергей Пыринов, старший лейтенант Леонид Сапов, главный старшина Григорий Краевой.

Дважды начальник разведотдела и капитан Ковалев проиграли выброску десанта на одном из

лесных озерков, местность вокруг которого была схожа с местностью Ондозера. Уже там были выделены четыре группы захвата объектов и три группы прикрытия, каждой из которых до мелочей было расписано, какую задачу придется выполнять.

Утром 30 августа подполковник Солдатов через начальника штаба бригады поинтересовался о готовности десантного отряда приступить к проведению операции. Капитан Афанасьев доложил: отряд сформирован и готов к выполнению боевой задачи. Комбриг отдал приказание: к 18 часам 31 августа десантному отряду сосредоточиться в квадрате 8814, что в двух километрах от восточного берега Ондозера.

Точно в назначенное время краснофлотцы и красноармейцы, участвующие в операции, были построены на широкой поляне, поросшей густой травой. Десантный отряд в 140 человек выстроился отдельно. Вскоре появился комбриг в сопровождении батальонного комиссара Девяшина и начальника штаба бригады майора Сергеева. Солдатов был в хорошем настроении, вместе с Девяшиным обошел неровный строй моряков, затем подошел к Афанасьеву, стоявшему во главе десантного отряда с автоматом в руках.

— У тебя все готово, разведка?— спросил его комбриг.

— Так точно, товарищ подполковник!— ответил тот, поправляя сбившуюся с плеч плащ-палатку.

— Уточненный план операции начальник штаба довел?— снова спросил комбриг.

— Так точно!

— Смотри, капитан, не подведи. Чтобы все было сделано вовремя.

Солдатов прошелся вдоль строя, часто останавливаясь и осматривая экипировку бойцов, отдель-

Командир 85-й бригады подполковник Солдатов
и батальонный комиссар Девяшин (1942 г.)

ным из них отпускал какую-нибудь шутку и, довольный, смеялся сам. Вместе с ним смеялся и Девяшин. В душе же комбриг переживал за предстоящую операцию, но свое волнение не выдавал, чтобы оно не передалось бойцам, от настроения которых во многом зависел ее успех. Закончив осмотр участников операции, Солдатов подозвал к себе начальника штаба, что-то ему сказал, тот кивнул в ответ головой. Затем комбриг вышел на середину поляны.

— Товарищи краснофлотцы и красноармейцы!— обратился он с последним напутствием ко всем.— Сейчас вы уйдете на выполнение особой боевой задачи. Я надеюсь, что то доверие, какое вам оказано, оправдаете с честью, не подведете своих товарищей

по оружию. Враг уже не так силен, как в первые месяцы войны, он выдохся и не может больше наступать — вы это знаете. На нашем фронте он остановлен на всех направлениях и закапывается в землю. Но мы не позволим ему укрепляться! Пусть теперь он узнает, как мы умеем драться! Бейте захватчиков безжалостно! Будьте смелыми и решительными! Я обещаю всем вам — отличившиеся при выполнении этой операции будут представлены к наградам. Возвращайтесь с победой!

После этого десантникам было разрешено перед выходом отдохнуть. Афанасьев с Ковалевым, собрав командиров групп, еще раз уточнили задачу каждого из них.

— Прошу проверить экипировку каждого бойца, чтобы ничего лишнего, чтобы ничего не стучало, не гремело, — приказал Афанасьев. — Запомните, в 23-00 выходим.

Когда все разошлись, он спросил Ковалева:

— Серебряков с главстаршиной Шевченко ушли готовить лодки?

— Ушли, — ответил Ковалев.

— Как вернутся, сразу ко мне!

— Хорошо, — кивнул головой командир разведроты.

— А комбриг что, уехал? — снова спросил Афанасьев.

— По-моему, нет, — неуверенно сказал Ковалев. — Он с Девяшиным вон в тот лесок направился.

— Послушай, Николай, я думаю, тебе лучше быть с группами прикрытия на дороге из Ругозера, — вернулся к разговору об операции Афанасьев. — Ты — разведчик и на тебя можно положиться. А батарею возьмет на себя Краевой со своими автоматчиками. Так надежнее.

— Но Краевой не знает, где она находится.

— Ничего, на месте ты его соориентируешь, а сам — к дороге.

— Хорошо, — после некоторого размышления ответил Ковалев.

— А дорогу на Паданы оседлает младший лейтенант Пыринов. — Афанасьев колдовал над раскрытым планшетом, словно финский гарнизон был не там, за озером, а здесь, на карте, и от крестиков, стрелок и точек, наставленных начальником разведотдела, зависело, быть ему или не быть.

Подошел майор Сергеев.

— Вот что, капитан, — подсел он к ним. — Я распорядился выдать каждому десантнику по лишней лимонке. На крайний случай. Пока бойцам говорить ничего не надо, но чуть что — объясните им. Сдача в плен, сами понимаете — измена Родине!

Афанасьев и Ковалев посмотрели на него.

— Ничего не поделаешь — война! — развел руками начальник штаба. — Приходится учитывать и это. И еще. Перед посадкой в лодки проверьте: все ли сдали документы. Чтобы в карманах ничего не было — ни писем, ни фотографий...

— Проверим, товарищ майор, — заверил Афанасьев. — А насчет лимонок... думаю, они нам не потребуются.

— Дай бог, — просто сказал Сергеев и поднялся. — Связь по радио держите постоянно, мы должны быть в курсе всех ваших дел.

Начальник штаба вскоре ушел. А Афанасьев с Ковалевым продолжали обсуждение деталей операции. Начальника разведотдела больше всего волновал переход через озеро. Если противник обнаружит их на воде, беды не миновать — из минометов расстреляют. Поэтому при разработке плана операции это учитывалось особо и форсирование озера шириной в восемь километров было решено

провести в два броска, как предлагал Ковалев. Первый до Сянострова, и только с него — на западный берег Ондозера. Самый опасный участок пути — второй. Но Афанасьев надеялся на ночь и туман. И сидя сейчас над картой, он, как осторожный лоцман, мысленно прокладывал этот второй участок перехода, выбирая более короткий, но вместе с тем и более безопасный путь. Однако как он ни колдовал над планшетом, самый короткий путь не получался — хочешь не хочешь, а от гарнизона надо держаться подальше, чтобы не обнаружить себя раньше времени.

Вскоре появился главстаршина Шевченко. Он подошел к командирам и доложил:

— Лодки причалены к берегу. Тридцать три штуки. Больше нет. Весь берег обшукали, не нашли.

— Маловато, — прикинув, сказал Афанасьев.

— Маловато, конечно, — подтвердил главстаршина, — но, честное слово, везде обшукали — лодок больше нет.

— Пойдем посмотрим, — поднялся с земли Афанасьев. — Заодно прикинем, кого в какие размещать.

Они направились в Каллиогубу, куда были стянуты все лодки с восточного берега Ондозера. Главстаршина Шевченко брал даже те, которыми уже давно никто не пользовался. Их подремонтировали, залили щели расплавленной еловой смолой и спустили на воду — главное, чтобы не текли.

— Да-а, — покачал головой Афанасьев, когда они подошли к месту, где стояли лодки. — У Стеньки Разина и то были лучше.

Лодки были самых разных размеров и форм — большие и маленькие, узкие и широкие, плоскодонные и килевые.

— Уключины салом смазать бы, чтобы не скрипели, — заметил Ковалев.

Начальник
разведки бригады
А. В. Афанасьев
(1965 г.)

— Водой смочим, сало искать ведь надо,— сказал главстаршина.

— Можно и водой,— согласился Ковалев.

Пока они осматривали лодки, к берегу подошли комиссар второго батальона Языков и старший инструктор политотдела Барков. Они о чем-то спорили. О чем, Афанасьев не понимал, говорили тихо и до него доносились только отдельные обрывки фраз: «Зачем это надо? Придумали тоже!», «А я считаю, надо! Пусть все знают, что и мы сложа руки не сидим!»

Афанасьев не собирался включать в десантный отряд политработников, тем более Языкова и Баркова — оба с 1906 года рождения, не очень подвижны, да и пользы от них не видел никакой. Но настоял Девяшин. Он лично потребовал, чтобы они были включены в состав десанта.

Закончив осмотр лодок, начальник разведотдела

велел Ковалеву с Шевченко готовить отряд к отплытию, а сам повернул назад, чтобы доложить командиром о готовности начать операцию.

— Афанасьев!— встал на его пути Барков.— Надо бы взять с собой фотографа.

— Что?— не понял Афанасьев.— Какого фотографа?

— Из политотдела, Сашу Богдановича. Было бы неплохо, если бы он кое-что заснял на пленку.

— Нам только фотографов и не хватало!— вспылил Афанасьев.— Да вы, Борис Николаевич, хоть понимаете, что не на прогулку идем!

— Я все понимаю. Очень хорошо понимаю. Но батальонный комиссар Девяшин просил. Потом можно в газету дать...

— Никаких фотографов!— отрезал Афанасьев. И, обойдя Баркова, быстрым шагом направился к лесу. «Черт знает что — показуху хотят устроить!»

В 23-00, несмотря на то что усилился ветер и на озере поднялась волна, десантный отряд начал грузиться в лодки. Красноармейцам и краснофлотцам было запрещено курить, разговаривать, греметь оружием. Застегнув шинели, фуфайки, плащпалатки, все молча направились к берегу. Первыми погрузились в широкие лодки разведчики младшего лейтенанта Пыринова и бойцы из взвода противотанковых ружей старшего лейтенанта Тимошкова. Средние по размерам лодки заняли пулеметчики, в остальные сели автоматчики, стрелки, санитары. Одну лодку Афанасьев решил оставить связным постов наблюдения.

Отряд еще не успел отплыть далеко от берега, как случилось непредвиденное: от перегрузки и из-за сильной волны некоторые лодки начали тонуть. Понимались ругань, крики. Афанасьев с Ковалевым повернули назад. За ними последовал главстаршина

Шевченко. Тонушие лодки взяли на буксир и подтащили к берегу. Бойцов подбирали из воды и высаживали на берег. Они тут же сбрасывали одежду, снимали ботинки, выжимали портянки. Возникла задержка.

К Афанасьеву подбежал мокрый с ног до головы красnofлотец из второго батальона Д. Массай.

— Товарищ капитан! Из моей лодки двое утонуло!— доложил он.— Как лодка перевернулась, они сразу — на дно, в панике спасти не смогли. Сам чуть не утоп. Хорошо лошадь увидел, что она стоит, а не плывет...

— Что еще за лошадь?— перебил его Афанасьев.

— Не знаю,— развел руками Д. Массай.— Она за нашей лодкой плыла. Как ни отпугивали ее, она плыла и плыла за нами, пока мы не опрокинулись. Вот я только и смог что до нее добраться. А там — не так глубоко. Хорошо, ребята быстро вытащили...

Афанасьев отчитал главстаршину за нераспорядительность, тот обвинил самих бойцов, что сели в лодки неравномерно.

Начальник разведки был в замешательстве, не зная, что делать — оставить побывавших в воде на берегу или пересадить их в другие лодки? Пока он решал, в Каллиолахти вдруг появился майор Сергеев. Он подозвал к себе Афанасьева.

— Решением командира бригады вы отстраняетесь от командования десантным отрядом!— официально объявил ему начальник штаба.

Афанасьев сначала не понял, в чем дело, да и как Солдатов узнал о случившемся? Когда майор Сергеев повторил ему приказ комбрига, до его сознания дошло, что это посты наблюдения сообщали подполковнику о неудачном выходе десантников из Каллиолахти.

— А кто поведет десант?!— зло посмотрел на начальника штаба Афанасьев.

— Капитан Ковалев,— ответил майор Сергеев и добавил:— Вы отправляйтесь к комбригу.

— Ладно,— помолчав, сказал Афанасьев.— Разрешите передать капитану Ковалеву планшет и ракетницу?

Начальник штаба кивнул головой.

Афанасьев спустился к заливу, подошел к лодке Ковалева.

— Николай, Солдатов вызывает меня к себе.— Не стал он объяснять, что к чему, отдал Ковалеву планшет и ракетницу.— Десант поведешь ты. Действуй по плану. Оставь здесь человек десять — на открытой воде волна будет крупнее, захлестнет маленькие лодки. Будь осторожней! Вместо себя в группу прикрытия поставь лейтенанта Шипенкова — он командир смысленый. И еще. В лодке с Барковым находится сержант, Рыжихин его фамилия. Он из особого отдела. Понимаешь? Так что гляди в оба.

— Думаешь, его послали проследить за действиями отряда? Как бы кто не переметнулся на сторону противника?— проговорил Ковалев и, ухмыльнувшись, добавил:— Вот мы его самого проверим в деле!

— Его проверять не надо, он битый. А ты все же присматривай за ребятами. В общем, не маленький — понимаешь!— и Афанасьев, не оглядываясь, зашагал к хутору, спрятавшемуся в перелеске у широкой поляны. Здесь, в единственном уцелевшем домике, остановился подполковник Солдатов.

Комбриг, как только начальник разведотдела появился в дверях, обрушился на него с яростной бранью.

— Никому ничего нельзя поручить! Простого дела нельзя доверить — все испортят! А от тебя, разведка, я не ожидал — посадить людей как следует в лодки не можешь! Как же ты поведешь их в бой?! Да ты утопил бы всех на озере, не добравшись до того берега! Командиры, мать твою так, разведчики называется... В штрафбат вас!

Комбриг продолжал разносить Афанасьева, пересыпая ругань отборным матом, а тот стоял навзрыжку и отрешенно смотрел в пол впереди себя. Только один раз поднял голову, собираясь возразить, но, увидев разъяренное и вспотевшее лицо подполковника, не стал этого делать. Ему показалось, что Солдатов пьян. «Заранее отмечает победу! Решительную и быструю!» — злорадно подумал он, вспомнив слова комбрига. Но тут же ему пришла на память народная примета: если собравшийся в путь возвратился по какой-нибудь причине — удачной дороги не быть. «Хоть бы у Ковалева все было в порядке!» — подумал он.

о. Сяностров
1 сентября 1942 г., 19 час. 20 мин.

Капитан Ковалев, успешно форсировав с десантным отрядом первую часть пути от Каллиолахти до Сянострова, далее действовал по плану, разработанному штабом бригады.

Прибыв на остров, он увел десантников вглубь и, найдя там удобное укрытие между скал, решил бойцам отдохнуть и выспаться как следует, не забыв при этом выставить часовых.

Всю оставшуюся ночь и весь день 1 сентября отряд провел на острове.

Здесь Ковалев изменил план операции, вернее, не сам план, а его структуру и исполнителей. Назначенные Афанасьевым командиры групп захвата гарнизона и групп прикрытия его не устраивали. Как разведчик, он доверялся только разведчикам, проверенным в деле. Основную группу захвата гарнизона он решил возглавить сам. Взвод автоматчиков Григория Краевого включил в свою группу. Уничтожение финской батареи решил доверить младшему лейтенанту Пыринову. Неясными для него оставались только группы прикрытия.

Разыскав младшего лейтенанта Пыринова, он подсел к нему, намереваясь посоветоваться. Ковалев считался со взводным из своей разведроты: Пыринов, несмотря на молодость, захватил финскую войну, имел опыт диверсионных боев.

— Хочешь?— протянул ему открытую банку с консервами Пыринов.

— Нет,— отказался Ковалев,— я к тебе по делу.

— Если по делу, тогда обязательно перекуси,— пододвинулся к нему Пыринов и, обернувшись к недалеко расположившемуся матросу, крикнул:— Браток, не найдется ли ложки?

— Мы без ложки никуда!— весело отозвался тот, достал из-за голенища сапога алюминиевую ложку и бросил ее младшему лейтенанту.— Назад вернуть не забудьте.

Пыринов поймал ложку и отдал Ковалеву.

— Ну, что у тебя за дела?

Ковалев, повертев в руках ложку, неожиданно рассмеялся.

— Ты чего?— удивился Пыринов.

— Мужичек!— Ковалев показал на ложку.

— Что мужичок?— не понял младший лейтенант.

— Да вот, на ложке нацарапано «Мужичек!»

— Это моя фамилия — старшина 2 статьи Иван Мужичек, двадцати лет от роду, из села Погребки Сумской области, — отозвался матрос. — А автограф на ложке — так это чтобы, вроде вас, не забывали вернуть ее хозяину.

— Молодец, старшина 2 статьи Иван Мужичек из села Погребки. А на автомате у тебя тоже автограф поставлен? — спросил, улыбаясь, Ковалев.

— На автомате нет. Автомат — не ложка, я его никому не одалживаю, — ответил матрос. — А ты, товарищ капитан, ешь, а то щи простынут.

Видимо, матрос обиделся, и Ковалев больше не стал его беспокоить. Он повернулся к Пыринову, зачерпнул из банки консервов.

— Я вот что решил, Сергей, — заговорил Ковалев. — Батарею в Ондозере брать будешь ты, Краевого со взводом я забираю себе.

— А кто прикроет дорогу? — спросил Пыринов.

— Слева — старшина Мочихин. Справа — из Ругозера — главстаршина Шевченко и еще кто-нибудь из пулеметной роты — на его усмотрение. Хотя... Тимошков еще с ним. Пусть постреляет из своих противотанковых ружей, если машины пойдут.

Пыринов молчал, обдумывая, правильно поступает Ковалев или нет.

— Остальных лейтенантов, старших лейтенантов, батальонных комиссаров ты подчинишь, конечно, другим старшинам?

Ковалев понял, на что намекает Пыринов.

— Понимаешь, Сергей, меня не оставляет беспокойство, что там, за озером, нам придется туго. Это здесь мы считаем: раз, два — и готово! А там будет по-другому. Финны не дураки, и без стрельбы, я думаю, не обойдется. А надо бы без стрельбы!

Если поднимется шум, когда мы возьмем гарнизон, финны быстренько сообразят, что к чему. Разве после этого они дадут нам спокойно уйти? Поэтому их батарею надо обязательно уничтожить. Понимаешь, обязательно! А самолеты в такую рань они не решатся поднять. Надо сработать быстро и аккуратно. Это сделают старшины, другие же лейтенанты, старшие лейтенанты и батальонные комиссары пойдут в группах захвата. Сапов, Шанин, Шипенков — со мной; Языков, Барков — на лагерь военнопленных.

— Может быть, ты и прав,— неуверенно проговорил Пыринов,— но только, мне кажется, командиры обидятся... Да и в штабе бригады потом тебе достанется.

— Пусть обижаются! Главное — сделать дело и вернуться живыми.

— Вернемся! Нам умирать еще время не настало,— сказал Пыринов.— Я перед этим походом матери открытку отправил: мол, жив, здоров и все такое прочее. Ей и так переживаний хватает: мой старший брат Лева на финской войне за полтора часа до перемирия погиб. Веришь, каких-то полтора часа не хватило! Все уже знали, что войне конец, да и финны знали, а какой-то снайпер, сволочь, выстрелил в него...

Пыринов замолчал. Молчал и Ковалев, думая о своем.

— Эй, товарищ капитан, поели? Ложку верните! А то без ложки нам нельзя,— окликнул матрос, который дал им ложку.

— Держи, Мужичек из села Погребки!— Ковалев бросил матросу ложку.— Ты из какого взвода?

— Из взвода автоматчиков,— отозвался тот.

— Тогда еще разок бы нам с тобой одной ложкой поесть...

— Еще раз, так еще раз. Было бы что есть! — рассмеялся тот.

Тут неожиданно к капитану подошел другой матрос и протянул ему свою ложку:

— Зачем одной? Вот, возьмите, у меня еще имеется.

Ковалев хотел было отказаться, но матрос почти насильно вложил ему в руку алюминиевую ложку. На ней тоже было аккуратно выбито «Малеванчук».

— Ну и ну, не взвод автоматчиков, а артель чеканщиков по металлу! — улыбнулся капитан и вернул ложку хозяину. — Не надо.

— Да возьмите же! — настаивал матрос. — Пригодится!

— Ты мне, Малеванчук, будто диск с патронами даришь!

— Патроны дать не могу, самому нужны. А ложку — пожалуйста, не жалко.

— Не надо, — решительно отказался Ковалев. И уже повернувшись к младшему лейтенанту Пыринову, сказал: — Значит, мы с тобой договорились?

— Договорились, — ответил Пыринов.

Капитан перед решающим броском на финский гарнизон продолжал наблюдение за деревней, тщательно замаскировав выставленные дозоры. В который раз он и сам брал в руки бинокль и рассматривал вражеский берег, пытаясь установить точное местонахождение батареи и постов береговой охраны. Батарею на этот раз ему обнаружить не удалось — она не подавала никаких признаков жизни, а наблюдательная вышка, возвышающаяся на скалистом берегу у деревни, была пуста с самого утра. Видимо, финны пользовались ею не постоянно. Пленных тоже не было видно. И вообще — деревня словно притаилась, ждала их нападения. За все

время наблюдения дозорные сумели рассмотреть только несколько автомашин, проследовавших через деревню в сторону Падан, и небольшую группу финских солдат.

Первый календарный день осени выдался теплым и солнечным. Целый день на небе не было ни облачка. Вражеские самолеты лишь один раз пролетели над островом, но это были тяжелые бомбардировщики, летели высоко на северо-восток, видимо бомбить тылы 26-й армии. Заслышав их приближающийся гул, Ковалев приказал всем укрыться в ельнике.

Озеро было спокойным, небольшая рябь поднималась на нем лишь тогда, когда дул легкий ветерок. Но к вечеру затих и он. И огромная чаша озера застыла, четко отражая в себе розовый закат солнца. Вокруг не было слышно ни звука, и установившаяся тишина лишь изредка нарушалась одиночными всплесками испуганной рыбы.

В одиннадцать часов вечера Ковалев собрал новых командиров групп, довел до них план действия во время операции, распределил бойцов и через десять минут приказал всем занять места в лодках и быть готовыми к отплытию.

— Товарищ капитан,— подошел к нему главстаршина Шевченко,— моряки просят разрешить им идти в морской форме.

Ковалев задумался.

— Разрешите, товарищ капитан!— стал уговаривать его и главстаршина Анатолий Иванов.— У нас такая традиция.

— В морской форме, говорите? Что же, можно и в морской, только плащ-палатки для маскировки взять с собой,— наконец решил он.

Матросы быстро побросали шинели, фуфайки, снимали гимнастерки. У кого не было бушлатов,

остались в одних тельняшках, у некоторых вместо пилюток вдруг появились бескозырки.

Только сейчас Ковалев с удивлением увидел, что больше половины в отряде — моряки. «Может, это и к лучшему», — подумал он. Затем махнул рукой: за мной. И первым зашагал к загубине, где были спрятаны в тростнике лодки.

Ковалев, по совету Афанасьева, выбрал не самый короткий маршрут к гарнизону, а взял левее, подальше от него, чтобы не быть обнаруженным. Он даже не допускал мысли, что их могут обнаружить — этого не должно случиться!

На счастье десантников, туман становился все гуще и гуще. А когда лодки пересекли середину озера и вражеский берег стал ближе, туман совсем загустел и более надежно прятал их в своей пелене. Зато усилил звуки. Как ни старались гребцы не стучать веслами, у кого-нибудь из них нет-нет да и сорвется весло по воде. И тогда казалось, что этот нечаянный стук слышен далеко вокруг. На гребца осуждающе смотрели сидящие в лодке, и он, стусевавшись, начинал грести осторожнее.

В лодке с Ковалевым, которая шла впереди, сидели, пригнувшись к бортам, радисты Якушенков и Брюзгин, саперы Бренер, Сурков, Есин, Синичкин. На веслах был молодой матрос из второго батальона, которого капитан не знал: гребцов по лодкам распределял главстаршина Шевченко. Саперов Ковалев взял к себе, потому что они первыми должны были сойти на берег и проверить: не заминирован ли.

Берег приближался. Уже зачернела впереди стена соснового леса, вплотную подступавшего к воде. Капитан, все время смотревший вперед, обернулся: не растянулись ли лодки. Всех не было видно. Скрытые туманом, многие из них крались где-то

позади, но большинство шли справа и слева, сразу же за лодкой Ковалева. Капитан перевел взгляд на притихших саперов. Их лица не выражали ничего — ни страха, ни напряжения. Единственное, пожалуй, чего они ждали — скорее ступить на твердую землю и приняться за свою опасную работу.

Сам же Ковалев волновался. Чем ближе становился берег, тем напряженнее работал его мозг. Он уже мысленно распределил группы прикрытия по своим местам, а сам впереди всех быстрым шагом двигался по дороге на гарнизон. Только по дороге ли? Можно нарваться на случайную машину, на патруль... Лесом вдоль дороги? Нет, лучше по дороге — быстрее. Пустить вперед человек пять разведчиков... Главное, чтобы подходы со стороны озера не были заминированы. «Быстрее, быстрее!» — мысленно торопил он гребцов, а вслух этого сказать не решался, боялся лишнего шума.

Наконец их лодка мягко зашуршала по донному песку килем и ткнулась в берег. Ковалев выпрыгнул из нее и махнул рукой остальным: вперед! Саперы попрыгали вслед за ним прямо в воду, подхватили лодку руками и выдернули ее на берег. Сразу же побежали к дороге.

Одна за другой подходили остальные лодки с десантниками. Они также быстро разгружались...

Ковалев посмотрел на часы, было двадцать пять минут второго. «До гарнизона не менее полутора километров, — подумал он. — В два часа нужно атаковать. Шевченко может не успеть со своей группой закрыть дорогу из Ругозера...»

— Товарищ капитан, — подбежал к Ковалеву сапер Сурков, — проверили, мин нет.

— Старшина Мочихин! — вполголоса крикнул Ковалев, больше не слушая сапера, ему нужно было знать только это.

— Здесь, товарищ капитан!

— Оседлать дорогу слева, за тем мостом. Перерезать провода на столбах. В деревню всех пропускать, обратно — никого. При подходе больших сил противника мост взорвать и держать оборону до последнего патрона. Выполняйте задачу!

Мочихин снял с плеча пулемет и, увидев своего второго номера Гвасалия, коротко бросил ему: «Пошли!» Гвасалия с пулеметными дисками, а за ним и вся группа прикрытия направились к дороге.

— Смирнов! Гуляков! Калистов! Талашев! В боевое охранение. Патрулей и часовых снимать без шума. Старший — Смирнов. Условные сигналы для нас: крик утки, три раза — остановка, четыре раза — продолжать движение...

Ковалев знал, что Смирнов хорошо умел подражать утиному крику, в разведке часто пользовались этим в качестве условного сигнала.

— Главстаршина Шевченко! Двигаться вместе с группой захвата. Во время атаки в бой не вступать, обойти гарнизон слева и перекрыть дорогу с севера, в километре от деревни. Старший лейтенант Тимошков с противотанковыми ружьями — с группой Шевченко...

Дорога была каждая минута, и отряду следовало бы сразу выступить в путь, но Ковалев счел нужным повторить задачу командирам групп, хотя им все было разъяснено еще на острове. «Семь раз отмерь, один раз отрежь», — решил капитан.

— Старший лейтенант Сапов! Разыскать лагерь военнопленных, уничтожить охрану и освободить заключенных. После выполнения задачи сопроводить их к берегу и организовать поиск средств переправы. Языкову, старшему батальонному комиссару Баркову действовать в группе Сапова...

Ковалев понимал, что политработники останутся недовольны таким приказом, так как на острове он разрешил им участвовать в захвате гарнизона. Но в последний момент капитан передумал и решил, что там они будут нужнее.

— Младшему лейтенанту Пыринову — уничтожить батарею противника в межозерном дефиле!..

Ковалев сказал «в межозерном дефиле» больше для самоуспокоения, потому что точных данных, где находилась батарея, у него не было. Он видел только вспышки от выстрелов, когда она вела огонь. Вроде оттуда...

— Остальным — за мной! Не шуметь и не переговариваться!

*д. Ондозеро
2 сентября 1942 г., 2 часа*

За все время — ни вчера, ни сегодня Ковалев не успел задуматься над тем, почему подполковник Солдатов в самый последний момент отстранил от командования десантом Афанасьева, а назначил его — молодого, еще как следует не освоившегося командира разведроты? «В самом деле, почему? — подумал сейчас Ковалев, идя впереди отряда. — Потому что начальник разведки не рассчитал количества лодок? Ерунда! Лодки нестандартные, рассчитывать, сколько поместится в них людей, невозможно. Да еще и ветер. Может, Афанасьев срочно потребовался для другого дела?» Так и не найдя ответа на неожиданное решение комбрига, Ковалев перестал думать об этом: мало ли что могло случиться...

— Николай, утка крикает! — остановил его рядом шедший Пыринов.

Ковалев и сам услышал условный сигнал.

— Передать по цепи: стоять на месте! — обернулся он назад и остановился, прислушиваясь — сигнал это или действительно крикает на озере утка.

До деревни оставалось метров четыреста-пятьсот. Крик утки повторился еще дважды и вскоре на дорогу вышел разведчик Павел Талашев.

— У комендатуры часовой, — подойдя к Ковалеву, шепнул он. — Смирнов с Гуляковым ушли его снимать.

Десантники остановились, замерев на месте. Ковалев с нетерпением ждал условного сигнала, решающего продолжать движение. Времени оставалось очень мало: всего пятнадцать минут. Ровно в два часа ночи отвлекающие группы откроют перед фронтом огонь, имитируя ложное наступление. Тогда гарнизон встревожится и без большого боя не обойтись. Ковалев выждал еще минуту, но условного сигнала все не было. И он не выдержал:

— Передать по цепи: продолжать движение вперед. Всем приготовиться к бою!

— Товарищ капитан! — обратился к нему главстаршина Шевченко. — Я ухожу!

— Давай действуй, Шевченко! И быстрее, быстрее! — затем повернулся к Пыринову. — Ты тоже, Сергей! Иди. Найди батарею во что бы то ни стало! Иначе она нам спокойно уйти не даст. Она где-то там, в лесочке, на окраине деревни!

«Черт с ним, с этим часовым! Все равно теперь не успеют очухаться!» — нетерпеливо подумал Ковалев и быстрее зашагал по дороге. Остальные двинулись за ним. Послышалось лязганье затворами винтовок, автоматов. Но капитан уже не обращал

на это внимания, он сам с шумом вставил диск с патронами в свой ППШ.

Вскоре дорога круто повернула от озера, лес кончился, и десантники, перевалив небольшую горку, вышли на открытое место. Справа от дороги желтело овсяное поле, впереди зачернели крайние дома Ондозера. Деревня спала. Вернег, не вся деревня, а только те дома, в которых расквартировались оккупанты. Остальные пустовали. Это Ковалев знал. Жители еще в прошлом году, когда фронт подошел близко, эвакуировались, увезя с собой все колхозное имущество. Но сейчас, ночью, десанникам предстояло прочесать все дома, потому что неизвестно, какие пусты, а в каких финны.

Ковалев приостановился, подозвал главстаршину Краевого, командира взвода автоматчиков.

— Ты, главстаршина, берешь на себя все дома до комендатуры, — приказал он ему. — А я с разведчиками комендатуру и все остальные после нее. Офицеров не убивать, штабу бригады нужен язык. И постарайся без лишней стрельбы.

Десантники вплотную подошли к деревне. Крайние дома были в двадцати шагах от них. Ковалев поднял вверх руку: всем стоять!

Только он подал команду, как поблизости послышалось четырехкратное кряканье утки — разведчики подавали сигнал, что часовой снят и можно входить в деревню. И хотя он был запоздалым, Ковалева это несколько успокоило: враг преждевременно не поднял тревогу.

Но только он об этом подумал, как из деревни вдруг раздался звонкий винтовочный выстрел, вслед за ним — второй...

— Впе-е-р-е-д! — закричал капитан и побежал по дороге вдоль домов, на ходу пытаясь определить, в каком из них находится комендатура.

Он бежал, не оборачиваясь назад и не видя, кто из десантников последовал за ним. Но он слышал их тяжелое дыхание, топот подкованных ботинок — значит, его разведчики были с ним.

— Впе-е-р-е-д!!!— снова закричал Ковалев, воодушевленный тем, что никто не отстает.

Ночная тишина вдруг разом взорвалась — застрочили автоматы, загремели первые взрывы гранат, пули с противным свистом заматались в воздухе. Послышался звон разбитых стекол. Затем крики, ругань на русском и финском языках.

Ковалев рванулся к самому большому дому — там, по его мнению, должна была быть комендатура.

Застигнутые врасплох, вражеские солдаты в панике выпрыгивали из окон домов, многие были в одном нательном белье. Но из комендатуры никто не выбегал на улицу, и Ковалев подумал, что там никого нет, хотел уже заскочить туда, но в этот момент застрочил пулемет. Пули рикошетом запрыгали по дороге рядом с Ковалевым. Капитан бросился на землю и ударил по пулемету из своего автомата длинной очередью, перекатился на другое место, чтобы по вспышке его не засек пулеметчик, и снова выпустил длинную очередь. Вражеский пулемет продолжал поливать свинцом из проема окна. Десантники залегли. Никто не хотел рисковать жизнью.

Надо было что-то придумать. Но что — Ковалев не знал. Ему еще не приходилось ходить в атаку, лезть на врага напролом. Как разведчик он был приучен к тихим, мгновенным боям: налет — и скрытный отход. Тут же эта тактика не подходила. Капитан приподнялся на локтях и повернул голову вправо — несколько бойцов из его группы лежали поблизости и стреляли по пулемету. Ковалев понял: страх

сковал десантников и они будут лежать на земле под огнем до тех пор, пока их всех не убьют. И никакая сила не заставит их подняться! Он и сам боялся вот так запросто быть подстрелянным, но нужно было что-то делать!

— Слушай мою команду!— что есть силы закричал Ковалев и заставил себя встать с земли.— Все за мной! Ур-р-р-а!!!

Выпустив короткую очередь из автомата, капитан зигзагами бросился к комендатуре. Добежал до нее и нырнул под высокое крыльцо. Следом за ним метнулся еще кто-то. Другие остались лежать и не подчинились команде.

Ковалев мельком глянул на решившегося последовать за ним.

— Ты кто?— спросил он.

— Старшина 2 статьи Мужичек!— ответил тот.

— А... Мужичек из деревни Погребки!— вспомнил встречу с матросом на острове Ковалев.

— Так точно, это я.

— Вот что, старшина, я сейчас гранату швырну в этого гада, а ты тем моментом проскочи под окно. Сможешь?

— Смогу,— коротко ответил тот.

— Давай!— И Ковалев, высунувшись, метнул лимонку в проем окна, откуда стрелял пулеметчик.

Почти вслед за взрывом старшина Мужичек выскочил из-под крыльца и бросился под окно, прижался к стене.

Пулемет умолк.

Ковалев тоже выбежал из своего укрытия и для верности сделал несколько очередей из автомата по проему окна. А тем временем сообразительный старшина выломал дверь и вбежал в комендатуру.

— В полном порядке, товарищ капитан! Фарва-

тер свободен, как говорят у нас на флоте! — отозвался он оттуда.

Комендатура была пуста. И только один капрал, как было видно по погонам пулеметчика, держал здесь оборону. Он лежал у окна не двигаясь, весь в крови.

Вскоре, запыхавшись, в комендатуру ввалились те, кто оставался лежать, пока командир отряда справлялся с пулеметчиком. У всех был разгоряченный вид, глаза злые и в то же время виноватые. Ковалев не стал выговаривать, только укоризненно посмотрел на них и пошел искать канцелярию, надеясь найти там ценные документы. Он отыскал ее быстро — по старинному столу с тумбочками и небольшому сейфу в углу. Собирал бумаги, какие попадались под руку. Брал все — в штабе разберутся.

— Товарищ капитан! — позвал его кто-то. — Пулеметчик-то живой, оказывается!

Рассовав бумаги по карманам, Ковалев вернулся. Подошел к пулеметчику ближе. Действительно, капрал был еще жив. Скорчившись, он лежал на боку и зажимал руками живот. На лице никакого страха, только перекошено от боли. Рядом с капитаном склонился над раненым неизвестно откуда взявшийся военфельдшер Слатвицкий.

— Ранение в брюшную полость. Он не жилец на этом свете, — заявил военфельдшер, выпрямляясь.

Капрал застонал и судорожно стал прижимать ноги к животу.

— Пристрелить! — крикнул Ковалев и вышел из комендатуры на улицу. Ему стало нехорошо от вида раненого. Он постоял недолго у крыльца комендатуры, дожидаясь выстрела, но так и не дождался. Никто из десантников не решился добить умирающего человека.

Стрельба в деревне прекратилась. С гарнизоном было покончено за полчаса. А с северо-востока еле-еле доносились отзвуки далекого боя — это роты скользящего направления продолжали имитировать наступление, отвлекая врага.

Ковалев направился в конец деревни. Его сейчас беспокоило другое: уничтожил младший лейтенант Пыринов финскую батарею или нет? По времени уже должен бы это сделать.

— Товарищ капитан! — окликнули его. — Товарищ капитан, все в порядке. Поставленную задачу выполнили!

Из-за ближнего дома вышел главстаршина Краевой с автоматчиками.

— Никто не ушел, — приблизился он к Ковалеву. — У вас как?

— Нормально, — ответил капитан. В свою очередь спросил: — Потери есть?

— Один ранен. Белоусов не увернулся от финского ножа, — доложил главстаршина.

Только сейчас Ковалев вспомнил о потерях. В горячке скоротечного боя с финским пулеметчиком он совсем забыл, что и в его группе могут быть убитые и раненые. «Ладно, фельдшер распорядится, это по его части», — успокоил себя Ковалев, а вслух проговорил:

— Нам бы раненые ни к чему.

— Что поделаешь! — развел руками Краевой.

— Ты иди со своими к комендатуре, там будем все собираться. Я скоро подойду, — сказал Ковалев и направился к озеру.

Но назад он вернулся нескоро. Около часа просидел капитан у озера, дожидаясь младшего лейтенанта Пыринова. Того все не было и не было. Ковалев начал волноваться: что могло случиться, он же опытный разведчик? Не может найти бата-

рею? Или в темноте заблудился? От Баркова с Саповым тоже никаких вестей — хоть иди и разыскивай их сам!

Только он вспомнил о батальонном комиссаре, как перед ним появился сам Барков.

— Вот ты где, капитан! А я тебя ищу.

Ковалев, не вставая с камня, повернулся к нему:

— Военнопленных освободили?

— Нет в деревне никакого лагеря военнопленных, — ответил Барков.

— Как нет? Я же сам в бинокль видел, как их выводили на работы!

— Тогда черт знает, куда он делся! Все обшарили, нет его. Правда, один дом колючей проволокой обтянут — может, там их держали? Но в доме пусто — ни скамеек, ни нар. Мы даже ближний лес прочесали, ничего похожего на лагерь военнопленных не нашли.

— Ошибся я, что ли? — засомневался Ковалев. — Но видел же в бинокль, как человек двадцать под охраной вели по дороге!

Ковалев не ошибся. В Ондозеро действительно некоторое время финны привозили на ночлег жителей близлежащих деревень, насильно согнанных на строительство прямой дороги Ругозеро—Паданы, по которой должны были идти грузы и вооружение для войск, концентрирующихся на медвежьегорском направлении. Такая дорога, связывающая Ругозеро и Паданы, была, но она проходила через Ондозеро, просматривалась с восточного берега, и финны опасались, что машины, следовавшие по ней, могут быть подвергнуты артиллерийскому обстрелу. Поэтому они выпрямили опасный ее участок и проложили дорогу за Лайязером, в лесу.

Но Ковалев этого не знал. Не знал он, что в эти

дни командование финской 14-й пехотной дивизии производило перегруппировку своих подразделений именно по этой дороге, в нескольких километрах от Ондозера. Не знал он также, что 6-му пограничному батальону был отдан приказ усилить охрану этой дороги и егеря со специально обученными собаками в этот самый момент находились совсем рядом с деревней.

— Младшего лейтенанта Пыринова не встречали?— спросил Ковалев Баркова, снова вспомнив о вражеской батарее.

— Нет, не видел,— ответил тот.

Ковалев посмотрел на часы. Подходило время связи с бригадой, нужно было подготовить текст радиогаммы.

— Идемте, надо готовиться к отходу. Главное мы сделали — гарнизон разгромили,— проговорил Ковалев.— Вот только жаль языка не сумели добыть,— с сожалением добавил он.

Ковалев поднялся с валуна.

Вернувшись в деревню, капитан разыскал радистов Якушенкова и Брюзгина. В 3.30 они передали в штаб бригады первую радиогамму: «Задание выполнено. Операция проведена точно по плану». А через минуту за деревней вдруг раздалась стрельба. Автоматные очереди и ружейные залпы, внезапно возникшие, сразу насторожили всех.

«Что это может быть?— вслушивался Ковалев в стрельбу, то разгоравшуюся, то затухающую.— Пыринов наконец-то обнаружил батарею? И ведет бой?»

Происходящее за деревней было непонятно до тех пор, пока над головами десантников не засвистели мины, которые, как ни странно, разрывались далеко от них, где-то южнее, у самого озера.

— Да это же, черт возьми, по нашим лодкам

стреляют!— растерянно воскликнул главстаршина Краевой.— Точно, по лодкам!

Ковалев был в недоумении. То, что финны стреляли из минометов по тому месту, где они высадились, сомнений уже не вызывало. Но как они догадались, что лодки именно там? Как? Значит, их обнаружили еще в тот момент, когда они высаживались, иначе бы финны не стреляли по лодкам. Но почему тогда гарнизон не встретил их огнем? Почему они застали финнов врасплох? И что за ружейная стрельба справа?

Прислушиваясь к вою мин и пытаясь точнее определить, где они ложатся, Ковалев продолжал стоять в нерешительности, не зная, что предпринять. Был момент, когда он уже хотел приказать: срочно возвращаться назад, к лодкам, но выработанная в разведке привычка — ничего не делать сгоряча — сдержала его. Да и нельзя было уходить без Пыринова, Шевченко, Тимошкова! Нельзя было бросать их здесь! Чувство тревоги нарастало в нем с каждой минутой. Казалось, он все предусмотрел, все вычислил, даже возможность потерь при налете на гарнизон. Но чтобы вмиг лишиться лодок, этого он никак не предполагал. «Нет, не может быть, чтобы финны стреляли по лодкам! Этого не может быть!— пытался успокоить он самого себя.— Там группа старшины Мочихина. Скорее всего, финны их обнаружили и стреляют по ним...»

— Пыринов с Шевченко возвращаются!— крикнул Барков, прервав тревожные размышления капитана.

К Ковалеву подбежал младший лейтенант Пыринов с двумя матросами.

— Финны. Надо уходить,— запыхавшись, выпалил он.

Старшина 2 статьи
А. С. Остроух
(1941 г.)

— Говори толком, откуда взялись финны?— разозлился Ковалев.— Батарею ты нашел?

— Нет батареи ни в деревне, ни за деревней! Ее, наверное, перевели в другое место. Мы видели следы, где она раньше стояла. А самой батареи там уже нет. Мы пошли дальше по дороге, думали, что она где-то поблизости. Дошли до Шевченко — и тут финны на машинах...

— Нас кто-то предал!— вступил в разговор подошедший Шевченко.— Опоздай мы минут на пять — и попались бы в ловушку!

— Где Тимошков?— перебил его Ковалев.

— Он послал нас предупредить, товарищ капитан, а сам с бойцами остался там, на дороге. Ведет бой,— ответил Шевченко.— Но финнов много, ему долго не продержаться. Сказал, чтобы все двигались к лодкам. Он придет туда.

— Всем приготовиться к отходу!— объявил Ковалев.— И без паники! Командирам групп собрать своих бойцов и двигаться тем же порядком, каким шли сюда. Быть в боевой готовности!

— Товарищ капитан, у нас трое раненых!— вышел вперед военфельдшер Слатвицкий.

— Самостоятельно идти могут?— спросил Ковалев.

— Только один, Мелодиев. Остальных нужно нести.

— Главстаршина!— обратился капитан к Шевченко.— Раненых возьмете на себя.

— Есть взять раненых на себя,— без всякого желания проговорил Шевченко.

— Отходим!— громко крикнул Ковалев и первым направился к дороге.

Но десантники не успели выйти из деревни. На южной окраине егеря настигли их. Было уже почти светло и врагов вовремя заметил старший лейтенант Шанин, замыкающий отряд. Он успел дать из автомата очередь по выскочившим из-за домов финнам, однако сам был сражен вражеской пулей.

— Занять оборону!— приказал Ковалев, хотя в душе сам же противился этому: «В лес, в лес надо уходить, пока совсем не рассвело!» Но егеря были сзади и от них так просто уже не оторваться.

Десантники рассредоточились и залегли почти на открытом месте.

Вновь завязался бой. Финны попробовали с ходу атаковать отряд, но, встреченные дружным ружейно-пулеметным огнем оборонявшихся, вынуждены были отойти и укрыться за бревенчатыми стенами домов. Затем они попытались обойти отряд со стороны озера и отрезать ему дорогу назад. Выручил Крае-

вой. Его автоматчики не позволили сделать этого. Главстаршина, разгадав маневр врага, бросился с бойцами наперерез егерям и расстрелял их почти в упор.

После неудачной атаки финны вдруг прекратили стрельбу. На некоторое время наступило затишье. Ковалев подумал, что они ждут подкрепления и решил воспользоваться паузой, уйти к лодкам. Но только он хотел отдать команду, как поблизости взметнулись разрывы мин. Егеря повели обстрел отряда из минометов. Началось самое неприятное, чего боялся Ковалев: спрятавшиеся за домами финские корректировщики в конце концов наведут своих минометчиков на прицельный огонь и тогда отряду не миновать больших потерь. Тут надо либо контратаковать, либо, оставив прикрытие, сменить место обороны.

Капитан выбрал второе. Его словно магнитом тянуло к лодкам. У него даже не возникло мысли, что лодок после минометного налета могло уже и не быть. Но размышлять, анализировать некогда, инстинкт самосохранения толкал и толкал его туда, к узкому перешейку между Ондозером и Лайяозером, где, казалось, их спасение. Только к лодкам!

Финны словно догадались, что десантники будут отступать в южном направлении, и перенесли огонь из минометов несколько вперед, тем самым усложнив отход отряда.

Ковалев решился запросить помощь у бригады. Подозвав Брюзгина, он велел ему связаться со штабом.

— Передай: веду бой на окраине деревни. Подвергся минометному обстрелу. Несу потери. Срочно прошу поддержки!

Брюзгин включил рацию, передал радиogramму

и стал ждать ответа. Он почти по слогам прочитал, что отвечает штаб:

— Можете ли... нанести... удар в... район... действия... групп скользящего направления.

— Нет. Конечно, нет!— сплюнул со злости Ковалев.— Передай им: отступаю, нужна помощь.

Капитану необходимо было, чтобы финны хотя бы минут десять не смогли преследовать отряд. Ему нужно оторваться от них, чтобы одним броском достичь лодок. А отступать к группам скользящего направления бессмысленно — прорвать фронт его небольшому отряду там невозможно, кроме того, не дадут этого сделать и егеря, заседавшие сейчас на него.

— Передавай: нужна помощь,— повторил Ковалев.

Брюзгин взялся за ключ.

Вдруг рядом один за другим раздались два взрыва. Ковалев бросился на землю, прикрыл руками голову от падающих комьев земли и камней. Когда он, оглушенный, вновь приподнялся, то увидел, что Брюзгин лежал навзничь у рации, из его виска стекала струйка крови. Осколок мины угодил ему прямо в голову.

— Второго радиста сюда!— крикнул капитан.

Второй радист, старшина 1 статьи Михаил Якушенков, услышав, что его зовут, пополз к Ковалеву.

— Передавай в штаб: отхожу в южном направлении. Прошу поддержки!

Якушенков надел наушники и застучал ключом. Но привычного писка от работы ключом в наушниках не услышал. Он несколько раз щелкнул тумблером питания рации, снова взялся за ключ, но сигнала не было.

— Рация не работает, товарищ капитан! — снял он наушники. — Видимо, повредило взрывом...

Ковалев выругался.

— Чини! Что хочешь делай, а рация чтобы работала!

Выход остался один — под огнем противника отступить к берегу, где находились лодки. И тут Ковалев снова вспомнил о группе прикрытия Мочихина. «Нужно взорвать мост, — подумал он, — как бы финны не зажали нас с двух сторон». Капитан повертел головой и, заметив недалеко стреляющего из винтовки матроса в тельняшке, окликнул его.

Тот подполз к капитану.

— Командир стрелкового отделения старшина 2 статьи Малеванчук!

— Вот что, Малеванчук, — узнал его Ковалев, — ты давай сейчас к мосту. Там группа прикрытия Мочихина. Передай ему, чтобы взрывал мост и, если у него там тихо, пусть двигается к лодкам. И пусть готовит их к отплытию, — приказал Ковалев.

Матрос уполз.

Если бы Ковалеву знать, что старшина Мочихин уже взорвал мост и также ведет бой с противником, он не медля ни секунды поднял бы отряд и, несмотря на минометный огонь, срочно повел бы его к лодкам. А если бы он еще и знал, что основные силы финнов, брошенные на уничтожение отряда, находятся именно там, за мостом, то он наверняка пошел бы на невозможное — на прорыв фронта в северо-восточном от деревни направлении. Но этого он знать не мог. Он по-прежнему считал, что егеря к гарнизону подошли только из Ругозера...

западный берег Ондозера
2 сентября 1942 г., 2 часа 45 мин.

По приказу капитана Ковалева Иван Мочихин со своей группой прикрытия перешел деревянный мост и занял оборону в пятидесяти метрах от него. Старшина установил пулемет. Разгреб песок и щебенку, сделал себе небольшую ячейку и присел отдохнуть. Остальные бойцы расположились рядом, положив на насыпь винтовки и автоматы. Его второй номер Гвасалия выложил запасной диск с патронами к пулемету и растянулся на земле, раскинув по сторонам руки.

— Хорошо, дорогой, здесь,— зевнул он, обращаясь к Мочихину.— Но у нас в Батуми лучше! Сейчас у нас бархатный сезон начинается. Море ласковое-ласковое, вода в нем теплая, а вечера темные-претемные — хоть глаз, понимаешь, коли, в трех шагах ничего не видно. А здесь наоборот — все видно...

Мочихин не слушал его. Он оглядел местность вокруг, прикидывая что-то в уме. Затем поднялся, прошелся по дороге, вернулся назад, взял пулемет и велел всем идти за ним.

— Займем позицию в стороне от дороги, а то нас с того бугра,— показал он рукой вперед,— хорошо видно. Кто по дороге пойдет, сразу заметит.

Бойцы, забрав свое оружие, направились за ним. Поднялся и Гвасалия.

— Нехорошо, дорогой, бегать с места на место,— недовольно проговорил он,— примета есть. Надо сразу выбирать — тут или там. Правильно я говорю, земляк?— тронул он за плечо сапера Михаила Перчева.

Тот рассмеялся:

— Черт его знает! Я в приметы не верю.

— Отставить разговоры!— приказал Мочихин.— Забыли, где находитесь?

Гвасалия замолчал, произнеся напоследок:

— Начальство, понимаешь, нервничает. А начальство уважать надо.

Заняв новую позицию в придорожном кустарнике, старшина послал саперов Бренера, Суркова и Синичкина заложить взрывчатку под мост и подготовить его к взрыву. А двум другим бойцам приказал найти и порвать провода связи. Когда все это было сделано, он разрешил отдыхать, а сам лег у пулемета и стал следить за дорогой, прислушиваясь к каждому шороху.

По времени в деревне вот-вот должен начаться бой, но выстрелов почему-то не было слышно. Страшно хотелось курить, и, чтобы как-то отвлечься от этого нестерпимого желания, Мочихин начал думать о доме, о матери с отцом. Эти воспоминания всегда были приятны. Забывшись, он даже не отреагировал на толчок в бок Гвасалия. И только когда второй номер толкнул его снова, Мочихин встрепенулся.

— Вано!— прошептал Гвасалия.— Шаги по дороге слышу. Понимаешь, кто-то к нам идет!

Мочихин напрягся. И он услышал жесткие шорохи на дороге, а вскоре и увидел, как более десятка вражеских солдат вышли из-за бугра, тихо переговариваясь между собой. Они направлялись по дороге в деревню. Старшина произнес тихо:

— Не стрелять! Пропустить их за мост.

Вражеские солдаты, ничего не подозревая, прошли мимо залегших в кустарнике десантников, перешли мост и вскоре растворились в темноте.

«Не заметили,— облегченно выдохнул Мочихин.— Пусть себе идут. В деревне наши их встретят. Хорошо, что сменили позицию». Но не прошло и десяти минут, как он вновь увидел этих же самых финских солдат, спешащих обратно. Один из них, встревоженный, все показывал на озеро и говорил непрерывно. Что именно — Мочихин понять не мог, так как по-фински не знал ни единого слова. Если туда они шли с винтовками за плечами, то обратно — в руках, наизготовку. Финны словно крались, постоянно оглядываясь по сторонам.

До Мочихина вдруг дошло, почему они, не дойдя до деревни, так быстро повернули назад: заметили лодки! Он наклонился к пулемету, развернул его, тщательно прицеливаясь, и нажал на спусковой крючок. Первая очередь зацепила сразу четверых, замертво попадавших на дорогу. Остальные финны разбежались. Но тут ударили из винтовок и автоматов другие бойцы. Вражеские солдаты заметались по дороге, не зная, куда бежать — то ли назад, то ли вперед. Мочихин вновь дал длинную очередь. Финны в панике бросились кто куда. Один из них, маленький и юркий, выскочил из-под огня и зигзагами побежал к лесу. Как ни пытался достать его из пулемета Мочихин, он, петляя между сосен, успел добежать до бугра и вскоре скрылся за ним. Другие финские солдаты остались лежать, кто на самой дороге, кто на обочине.

Когда Мочихин и его бойцы прекратили огонь, они услышали выстрелы в деревне. «Наши пошли на гарнизон!»— обрадовался старшина, прислушиваясь к редкой стрельбе.

Через полчаса или чуть больше вновь установилась тишина. Однако Мочихин приказал быть всем начеку. Он понимал, что сбежавший финский солдат наверняка сообщит своему командиру о проис-

шедшем у моста, расскажет об увиденных лодках и враг сообразит, что русские высадили десант... Одним словом, теперь финны не оставят их в покое. «А может, пронесет? Не успеет финн добраться до своих?» — с надеждой подумал Мочихин. Но неожиданно началось такое, что старшина долго не мог прийти в себя. Он никак не ожидал, что противник откроет прицельный огонь по лодкам из полковых минометов. Когда раздались первые взрывы, Мочихин решил, что стреляют по ним. Но мины ложились далеко от них. Лишь после третьего залпа старшина забеспокоился: по лодкам стреляют из минометов! Он не хотел верить этому, ведь если враг разобьет лодки — путь назад через озеро будет отрезан!

— Сурков! — с тревогой окликнул он одного из саперов. — Неужели они по лодкам стреляют?

— Кажется, по тому месту, — неуверенно ответил тот. — Мины ложатся где-то там. Может, сбегать, посмотреть?

— Сбегай! — разрешил Мочихин. — Только аккуратно.

Сурков, пригибаясь, побежал к лодкам. Минометный обстрел продолжался более четверти часа, потом прекратился. Зато спустя некоторое время из-за бугра застрочили автоматы. «Ну вот, явились!» — подумал старшина.

— Ребята! К бою! — крикнул Мочихин и снова залег за пулемет.

Финны стреляли наугад. Они пока не обнаружили, где укрывается группа, и строчили из автоматов по мосту, по кустам. Потом толпой высыпали на дорогу и, продолжая стрелять на ходу, двинулись к мосту.

Подпустив их поближе, десантники ответили

дружным огнем. Мочихин израсходовал первый диск с патронами, сбросил его с пулемета, тут же вставил второй.

— Давай, Ваню, а то пройдут!— торопил старшину Гвасалия.

Пулемет Мочихина вновь заработал, выкидывая пустые гильзы.

Финны наконец засекли, где укрылись десантники и перешли на прицельный огонь по кустарнику. Пули, ударяясь о камни, завизжали угрожающе в воздухе.

Скоре к старшине подполз Сурков. И не один. С ним был Малеванчук.

— Лодки почти все разбиты! Вдребезги! Целых осталось только три,— вытерев пот с лица, сообщил он.— Надо взрывать мост и уходить... Вот матроса,— показал он на Малеванчука,— командир прислал, чтобы мы взрывали мост.

Мочихин перевел взгляд на Малеванчука.

— Да,— подтвердил тот,— капитан велел взрывать мост и всей группе идти навстречу отряду, на нас тоже давят егеря. Но он сказал: если у вас тихо. А тут...

— Да, было тихо!— сжал зубы Мочихин.— Но что мы будем делать без лодок?

— Так отходим?— растерянно спросил самый старший среди них по возрасту сапер Кузьма Синичкин.— Они же всех нас в кольцо возьмут!

— Надо взрывать мост и уходить!— настойчиво проговорил Сурков.

Некоторое время Мочихин был в замешательстве. «Капитан, конечно, не знает, что нас атакуют финны. Не знает, что и лодок теперь нет, поэтому идет сюда! Черт возьми, вот влопались! Живыми, видимо, отсюда не выбраться».

— Всем отходить за мост!— наконец приказал он.— Ползком! Вдоль дороги, по кустам!

А сам снова опустился к пулемету.

— Ваню? А ты?— тронул его за плечо Гвасалия.— Давай, дорогой, и ты. Если не пойдешь, и я останусь.

— Иди, Гвасалия. Я прикрою вас, потом следом,— ответил старшина.— Как за мост перейдете, оттуда по ним вдарьте, тем временем и я перебежусь.

Бойцы стали уползать за мост, а Мочихин, прикрывая их, застрочил из пулемета. Он не видел врагов, видимо, они залегли, но все равно продолжал посылать очередь за очередью туда, где они могли быть. Стрелял, пока не опустел диск. Затем, подхватив пулемет, тоже пополз к мосту.

Пока он полз по кустам до моста, его свербил одна и та же мысль: «Как теперь выбраться отсюда? Финны за гарнизон не простят!» Пожалуй, впервые Мочихин подумал, что, может, придется умереть. Нет, над этим он думал и раньше, но как-то вообще, отвлеченно. А тут нутром почувствовал — могут убить, именно его. Здесь, на чужом берегу. И от этой мысли неприятный холодок прошел по всему телу. «Не дамся! Буду жить!»— нервно успокаивал себя, прогоняя пугающую мысль о смерти.

Как только он перебежал мост, саперы подожгли бикфордов шнур. И через несколько секунд прогремел взрыв — деревянный мост взлетел в воздух. Затем бесформенная куча бревен, песка и земли рухнула в речку. А они вновь залегли на обочине дороги, поджидая врагов.

— Гвасалия!— окликнул своего второго номера старшина.— Давай патроны!

— Ваню, последний диск!— предупредил аджа-

рец, когда подполз к нему.— Стреляй мало-мало, но в цель.

Мочихин вставил диск в пулемет.

— Мне оставаться с вами или как?— спросил старшину Малеванчук.

— Ты, браток, давай обратно,— ответил Мочихин.— Что видел, все расскажешь командиру. А он пусть решает...

Малеванчук, немного помедлив, закинул свою винтовку за плечо и, пригибаясь, побежал по канаве обратно.

Финны появились по ту сторону протоки не сразу. Сначала двое из них быстро перебежали дорожку и спрятались в тех самых кустах, где только что лежал Мочихин. Притаившись, они, видимо, высматривали. Затем еще несколько егерей ринулись туда же.

Мочихин дал по ним короткой очередью. «Здесь мы, сволочи! Думаете, ушли? Дудки!»— ухмыльнулся он.

Открыли огонь по финнам и другие бойцы. Егеря ответили тем же. Вновь завязалась перестрелка. Опять над головами десантников тонко запели пули: фью-у-у, фью-у-у... Старшина боялся приподнять голову из-за камня, за которым лежал, ему казалось, что если он это сделает, одна из пуль обязательно вопьется в него. Но больше всего он боялся оказаться раненным — обуза для всех, и тогда шансов выбраться отсюда живым уже не будет никаких. И он, если не стрелял, старался меньше высовываться из-за камня.

Финны усилили огонь по залегшим десанникам. Большая группа егерей все же переправилась через речку в стороне от моста и теперь угрожала обойти наших бойцов слева. Оттуда, из леса, глухо и часто, словно жадный дятел, застучал финский

пулемет «суоми». Мочихин сначала не увидел его, но когда следующая очередь срезала несколько еловых веток, заметил, где засел пулеметчик. Старшина перекинул свой «дегтарь» и ударил по нему. Но вражеский пулемет не умолкал — длинными очередями бил и бил по морякам, будто его обслуга спешила выпустить поскорее весь свой боезапас. Однако всю эту смертоносную лавину раскаленных пуль принимала на себя дорожная насыпь, которая надежно укрывала десантников. «А, гады, тоже жить хотите! Бойтесь лезть напролом по дороге!» — ухмыльнулся старшина, продолжая стрелять и радуясь, что егеря не решаются идти в лобовую атаку.

Никто из бойцов не обратил внимания, когда к ним снова подполз Малеванчук.

— Командир приказал отходить! — закричал тот, не видя старшину. — Надо уходить!

Первым его услышал сапер Михаил Бренер. Он добрался до Мочихина и показал на Малеванчука. Старшина все понял.

— Прекратить огонь! — громко приказал он. — Всем отходить! — И, подхватив свой пулемет, стал отползать назад, причем делал это с каким-то жадным удовольствием — ловко и быстро.

За ним последовали остальные. Когда все вышли из опасной зоны, простреливаемой врагом, Мочихин поднялся, взмахнул рукой — «за мной!» и, пригнувшись, побежал прочь от разрушенного моста. Метров через двести взобрался по насыпи на дорогу и увидел блеснувшую сквозь деревья огромную гладь озера, уже освободившуюся от тумана.

Добежав до лодок, старшина приостановился. Нерадостная картина предстала перед ним: весь берег был усеян грудой досок и поломанных весел,

некоторые лодки, отброшенные взрывами, затонули и чудовищными скелетами торчали из воды. Он с тоской посмотрел на восточный берег Ондозера — остров, с которого они приплыли сюда, был хорошо виден. И у старшины защемило сердце: неужели больше туда не вернуться? Другие бойцы тоже невольно глянули в сторону озера, а затем молча двинулись дальше по дороге. Никто из них не догадывался, что идут они навстречу своей смерти и что только одному из них — именно старшине Мочихину — суждено будет остаться в живых...

оз. Лайяозеро
2 сентября 1942 г., 4 часа 10 мин.

Мочихин и его группа встретились с отрядом раньше, чем ожидали — на узком перешейке в километре от деревни. Ковалеву все же удалось на какое-то время оторваться от егерей. Старшина доложил капитану обстановку.

— Но кто же скорректировал минометчиков на лодки? — сокрушенно произнес Ковалев, когда узнал, что их больше нет. — Не могли же они знать, где находятся лодки!

— Виноват я, товарищ капитан, — опустив голову, сказал Мочихин. — Выполняя ваш приказ, мы пропустили финнов, которые направлялись к деревне. Но буквально минут через десять они вдруг повернули назад — заметили наши лодки и, конечно, поняли, в чем дело. Мы открыли огонь и всех положили, но одному все же удалось уйти. Видимо, он-то и навел минометчиков на наши лодки!

— Плохо, старшина, очень плохо! Ты даже не представляешь, как плохо, — лицо Ковалева бледне-

Главстаршина
Г. И. Краевой
(1941 г.)

ло. Капитан посмотрел отсутствующим взглядом на старшину, что-то хотел ему еще сказать, но только махнул рукой и тяжело опустился на придорожный валун.

Подошли Шипенков, Краевой и Пыринов.

— Надо идти, командир,— сказал главстаршина Краевой, не понимая, почему Ковалев расселся на камне.— Финны вот-вот появятся.

Ковалев переборол страх, который охватил его.

— Соберите сюда людей,— глухо, но решительно произнес он.— Выставить боевое охранение — и всех сюда!

Шипенков и Краевой удивились приказу, но все же ушли выполнять его, и только Пыринов остался на месте.

— Николай, нам не выбраться отсюда?— спросил он напрямую Ковалева.

Тот, немного помолчав, так же прямо ответил: — Сергей, наше положение препаршивое. Я не говорю — безнадежное, но донельзя серьезное! Лодок больше нет, финны отжимают нас от деревни. Я надеялся прорваться на юг и уйти в сторону Сегежи... Но старшина Мочихин взорвал мост, там теперь тоже егеря. Мы зажаты с обеих сторон. Ждать помощи наших — бесполезно: не работает рация. Да и лодок там нет, все, что собрали, отдали нам. У нас остается единственный выход: занять круговую оборону и постараться продержаться до вечера. Как стемнеет, прорвать окружение и добираться до своих вокруг озера. Выбора больше нет!

— Может, соорудить плоты и попробовать на них? — нерешительно предложил Пыринов.

— Нет. Это равносильно самоубийству, — заявил Ковалев, — да и не дадут они нам собрать плоты.

Начали подходить красноармейцы и краснофлотцы. Вскоре почти все десантники обступили Ковалева. Большинство из них уже догадывались, для чего собирает их командир отряда. Капитан не стал ждать, когда подтянутся остальные.

— Я должен честно всем сказать, что возвратиться через озеро мы не можем: вражеские минометки разбили наши лодки. Противник справа и слева. Нам ничего не остается делать, как дать бой! — Ковалев говорил жестко, глядя в глаза стоящих перед ним десантников. — Не стану скрывать — этот бой будет не на жизнь, а на смерть! И если кто из вас окажется не в состоянии стрелять или у кого кончатся патроны, не забывайте — у всех есть гранаты. По одной оставьте для себя... Лучше погибнуть, чем дать врагу надругаться над собой! Но если мы продержимся до темноты, я обещаю вам: к своим обязательно вырвемся! А сейчас приказываю: занять круговую оборону и держаться до

последнего патрона! Командирам групп разрешаю стрелять в каждого, кто струсит и захочет сдаться в плен. К бою!

Никто из десантников не проронил ни слова. Никто из них не стал допытываться: почему все так получилось, даже раненые, которых несли на самодельных носилках, и те поняли всю серьезность положения.

Все молча направились за Ковалевым, решившим отвести отряд от дороги в менее доступное для врага место — в болотину, где местность позволяла организовать круговую оборону, где враг, если пойдет в атаку, будет на открытом пространстве.

По площади болото было небольшим, но зато подходы к нему ограничивались с двух сторон водой — Лайязером и Ондозером и это давало некоторое преимущество десанникам в рациональном распределении сил. Собственно, Ковалеву выбирать уже не приходилось. В такое идиотское положение он не попадал никогда. Словно рок какой-то, словно какая-то неведомая сила руководила сейчас им, нарочно устроив все это. «А может, виноват сам? Может, собраться сейчас, пока не поздно, и ударить напролом — будь что будет?» Но Ковалев прогнал эту мысль, продолжая надеяться на что-то. На что именно — не знал.

Егеря быстро определили, где укрылся отряд. Поняв, что десанникам больше некуда деться, финны, окружив болото, ожидали приказов своих офицеров.

Когда совсем рассвело, егеря стали подбираться к болоту. Где ползком, где перебежками они подошли на расстояние выстрела. Затем ринулись на десантников, прокладывая себе путь очередями из автоматов. Болото ошетинилось ответным огнем. Десантники успели отрыть небольшие окопчики и,

отбив атаку финнов, сами не понесли никаких потерь.

Ковалев лежал в ямке рядом с Мочихиным и Гвасалия. Он видел, как егеря рьяно кинулись на них и, побитые, так же поспешно отступили, не решаясь углубляться в болото. Но несколько финских автоматчиков остались в прибрежном тростнике Лайязера и оттуда продолжали вести огонь.

— Старшина! Ударь из своего пулемета вон по тем тростникам,— показал рукой капитан.— Сволочи, засели там и головы поднять не дают!

Мочихин хотел было приподняться, чтобы лучше рассмотреть, где прячутся вражеские автоматчики, но пули тут же срезали осоку на большой кочке, за которой они укрывались. Мочихин втянул голову за кочку: «Если их сейчас не снять, то в другой раз они отправят кого-нибудь на тот свет». Старшина взял в руки свой пулемет, положил его на колено, прицелился и застрочил по тростникам, водя пулеметом вправо-влево. Финский автоматчик тоже успел выпустить по нему очередь. Несколько пуль ударили в пулемет, выбили его из рук старшины, а две угодили в него. Мочихин невольно охнул, повалился на кочку. «Попали все же, гады!»— ужаснулся он, почувствовав резкую боль в правой руке.

— Ваню! Ты ранен?— перевернул его на спину Гвасалия.

Мочихин вытянул правую руку и увидел, что вся ладонь у него в крови.

— И левое предплечье жжет, будто углей наложили!— застонал старшина.

— Перевяжи его!— крикнул Ковалев.— И давай за пулемет.

— Я сейчас... Сейчас перевяжу,— засуетился Гвасалия.

Мочихин, поняв, что раны не смертельные, успокоился, зatih. «Ноги, ноги главное целы»,— подумал он.

— Ползи куда-нибудь, не мешайся здесь!— сказал ему Ковалев.— Все равно от тебя теперь никакого толку!

Мочихин посмотрел на Гвасалия.

— Уползай, дорогой. И не беспокойся, справлюсь,— заверил тот старшину.

Мочихин перевернулся на бок, уперся локтем правой руки в болотную жижу и медленно пополз к Лайязеру. Почему туда, он и сам не понимал, просто ему казалось, что у воды будет безопаснее, хотя стрельба теперь слышалась кругом. Бой продолжался. Егеря, не сумевшие прорваться к болоту, залегли. Но зато заговорили винтовки их снайперов, которые, взобравшись на деревья, начали охоту за десантниками. Отряд сразу же понес потери.

К Ковалеву подполз старший батальонный комиссар Барков с радистом Якушенковым, у которого правая рука была перевязана.

— Капитан, рация вроде заработала! Может, запросить еще разок наших?

— Давайте, Борис Николаевич!— продолжая стрелять из автомата короткими очередями, ответил Ковалев.— Пусть радист передает: несущ потери, срочно нужна помощь. Только вряд ли нам помогут.

— Но все же...— проговорил Барков и приказал радисту:— Включай рацию.

Якушенков левой рукой застучал ключом. Потом стал слушать эфир. Но в наушниках стоял сплошной шум и треск. Ответного сигнала не было. Барков в нетерпеливом ожидании посмотрел на него, Яку-

шенков пожал плечами и вновь взялся за ключ. Отстучав, опять прильнул к наушникам.

— Не отвечает,— развел он руками.— Сигнал идет, но бригада не отвечает.

— А ты пробуй, пробуй! Вызывай постоянно!— раздраженно выкрикнул Барков.— Если рация у тебя в порядке, должны ответить! Пробуй!

Хотя сам Барков тоже хорошо понимал, что, даже если бы бригада и ответила, помощи из-за озера ждать нечего. Видимо, и поздно...

о. Сяностров
2 сентября 1942 г., 4 часа 30 мин.

Начальник разведотдела бригады капитан Афанасьев в ту ночь не спал. В два часа посты наблюдения сообщили: из-за озера слышится интенсивная стрельба. Капитан поспешил к начальнику штаба майору Сергееву и доложил ему об этом.

— Значит, Ковалев добрался вовремя! Главное теперь, чтобы финны не успели подбросить резервы,— удовлетворенно сказал начальник штаба.— Но, думаю, это не дадут им сделать роты скрывающегося направления.

— Товарищ майор, разрешите мне выехать на остров и встретить отряд?— обратился к Сергееву Афанасьев.

— Да, здесь вы, пожалуй, сейчас не нужны. Идите, капитан. И возьмите из комендантского взвода человека четыре — мало ли потребуются.

В половине пятого утра Афанасьев с четырьмя моряками из комендантского взвода был на Сянострове. Направляясь на западную его оконечность, он вдруг наткнулся на аккуратно сложенные шине-

ли и гимнастерки, оставленные десанниками. «Вот черти полосатые, раздетые отправились на тот берег. Все форсят!» — ухмыльнулся он.

Дойдя до края острова и выбрав удобное место, Афанасьев лег. Было тихо. На той стороне озера стрельбы почему-то уже не было. Капитан навел на деревню бинокль, но берег из-за тумана и темноты не просматривался. Афанасьев, поняв, что в бинокль он все равно ничего не увидит, спрятал его и стал ждать. Моряки разбрелись по острову в поисках ягод, он остался на скале один.

У капитана до сих пор не прошла злость на комбрига, который из-за пустяка отстранил его от командования десантным отрядом да еще штрафбатов пригрозил. За что? Из-за гнилых лодок! Не случись этого неприятного момента, был бы он сейчас там. Сумасбродный подполковник!

Начальник разведки около часа пролежал на скале, на той стороне по-прежнему было тихо. «По времени Ковалев должен бы уже возвращаться. Если, конечно, там ничего не случилось, — подумал он. — А что, собственно, может случиться? Раз не стреляют, значит, с гарнизоном покончено и часа через полтора, ну от силы через два они будут здесь». Только он об этом подумал, как за озером раздалась стрельба, а потом слышались глухие разрывы. Афанасьев насторожился: «Что это? Похоже, из минометов стреляют! Неужели Ковалев не уничтожил батарею и она открыла по десанту огонь? Только бы не это!» Но глухие разрывы продолжали доноситься с западного берега, перемешиваясь с отзвуками автоматной стрельбы.

Афанасьев уже с тревогой вслушивался в далекую канонаду и пытался понять, что там происходит. Когда совсем рассвело, он снова взялся за

бинокль и стал рассматривать западный берег озера. Легкий туман, еще стелившийся над водой, скрадывал чужой берег, но капитан все же увидел грязно-белые разрывы от мин, которые дыбились то у самой воды, то подальше — в лесу. «Если Ковалев произвел высадку десанта по моему варианту,— думал начальник разведроты,— то финны стреляют по лодкам!» Он хотел отогнать эту ужасную мысль в надежде на то, что лодки отряда в другом месте, но она назойливо лезла в голову. «Зачем тогда стреляют по берегу? Зачем? Ковалев погрузился и направляется сюда? Это скорее всего! А стреляют финны вдогонку. Где же тогда лодки? На воде их не видать...»

Услышав стрельбу на том берегу, на скалу вернулись моряки.

— Сейчас нашим там достанется,— произнес один из них.— Только бы самолетов не было, а то...— он недоговорил, но всем было понятно, что значило это «а то...»

Небо как назло становилось все яснее и яснее. Солнечный диск, поднимаясь над горизонтом, уже пробивался сквозь туман, и его лучи заскользили по воде, играя бликами. Афанасьев в другой раз радовался бы такому утру, но сейчас он желал, чтобы солнце вообще не показывалось, а утро никогда не наступало.

— Товарищ капитан! Вижу слева лодку!— выкрикнул матрос, находившийся ближе всех к Афанасьеву.

Капитан посмотрел, куда показал краснофлотец, и тоже в километре от острова увидел небольшую лодку, направляющуюся к восточному берегу. Афанасьев навел бинокль: это была не просто лодка, а небольшой моторный катер. Капитан вскочил и замахал фуражкой. Но в лодке его не заме-

чали. Тогда моряки тоже начали махать руками, кричать, однако лодка не поворачивала к острову, а продолжала плыть в том же направлении.

— Но у наших ведь не было моторки?— с сомнением сказал матрос, который первым увидел лодку.

«Да, странно,— задумался Афанасьев.— Но, может, Ковалев захватил ее у финнов и раненых отправил в первую очередь? Значит, скоро должны показаться и остальные лодки».

Но лодок, кроме этой, больше не показывалось — ни в семь часов, ни в восемь, ни в девять. Да и эта, дойдя до середины озера, резко развернулась и ушла обратно. Скорее всего, это был финский катер.

А на вражеском берегу продолжали греметь выстрелы. И эти незатихающие выстрелы все больше и больше беспокоили капитана, путали его мысли. Ясным становилось только одно: Ковалев к условленному времени не смог возвратиться, значит, там что-то произошло. Но что? Был обнаружен? Попал в ловушку? Случайно наткнулся на крупную группировку врага? Так или иначе, но это он ведет бой... «Надо возвращаться, может, Ковалев радировал в штаб, что там у него случилось»,— решил капитан.

Он приказал морякам собираться назад и первым направился к лодке. Проходя вновь мимо оставленных десантниками вещей и обмундирования, капитан приостановился, посмотрел задумчиво на нехитрое матросское имущество.

— Захватите это с собой,— вдруг сказал он матросам.

Те вопросительно глянули на него.

— Захватите, захватите,— повторил начальник

разведки.— Отряд может на остров и не завернуть.

Затем они спустились к воде и уже собрались было отплыть от острова, как неожиданно услышали близкое гудение самолетов.

— Воздух! Всем укрыться!— крикнул Афанасьев и бросился в прибрежный кустарник. За ним — моряки.

Через несколько секунд на северо-западе показались два вражеских истребителя. Они летели сравнительно невысоко. Неожиданно самолеты в крутом вираже изменили курс и, словно голодные стервятники, вдруг начали быстро снижаться. Над Каллиолахти они обстреляли кого-то из пулеметов. Затем, сделав круг, вернулись и вновь, пикируя, выпустили по несколько длинных очередей. Потом улетели.

Когда Афанасьев с моряками приплыл в Каллиолахти, он увидел, за кем охотились вражеские истребители. На прибрежных камнях сидел весь мокрый инструктор из политотдела бригады, которого начальник разведки еще плохо знал, а рядом с ним лежало тело фотографа Богдановича. Того самого, за которого просили Барков с Языковым, чтобы его взяли с десантным отрядом.

— Убит?— подошел Афанасьев ближе.

— Только от берега отчалили, они тут налетели. Первый раз не попали, а со второго захода — вот... Хотели на остров, встретить отряд...— инструктор словно оправдывался.— Нелепо как-то все получилось.

«На войне все нелепо получается!— раздраженно подумал Афанасьев.— Зачем им нужно было сюда соваться? Зачем? Заснять исторический момент? Герои возвращаются с задания?»— капитану стало жалко погибшего краснофлотца.

Афанасьев приказал морякам помочь похоронить

фотографа, а сам, не задерживаясь, поспешил к штабной радиостанции, где он надеялся узнать подробнее, почему десантный отряд Ковалева до сих пор находится на том берегу.

Капитан появился у радиста, когда тот принимал очередную радиограмму от Ковалева. Здесь же был начальник штаба майор Сергеев, а через некоторое время вошел и сам комбриг. Афанасьев посторонился, пропуская командира бригады, вытянулся, но подполковник, словно не замечая его, шагнул сразу к радисту. Дождался, когда тот закончит прием, взял листок, прочитал.

— Он что там, совсем голову потерял?— вдруг выкрикнул Солдатов.— Вслепую палить из минометов! По ним, что ли? Отстучи: пусть сообщат точные координаты для артиллерийских расчетов и спроси, почему не вышел на исходный рубеж в назначенное время?

Радист передал, что приказал ему подполковник, и переключил рацию на прием. Он ждал довольно долго. Ждал и комбриг. Но Ковалев на запрос не отвечал. Радист повторил вызов, однако ответа не последовало. Далекий берег словно не понимал его.

— Не слышат, товарищ подполковник,— сокрушенно сказал радист.

— У тебя все нормально?— показал комбриг на рацию.— Может, что-то не так?

— Никак нет, товарищ подполковник, рация работает в заданном режиме и на той волне,— ответил радист.— Скорее всего, у них рация не в порядке.

— Продолжай слушать эфир. И периодически передавай: выходить на исходный рубеж,— приказал подполковник и собрался было уйти, но, увидев Афанасьева, остановился.

— Как считаешь, разведка, что у них там могло произойти?— сердито спросил он капитана.

— Я только что вернулся с острова, товарищ подполковник,— ответил Афанасьев.— С западного берега озера доносится непрерывная стрельба, в том числе и минометная. Финская авиация начала облет Ондозера. Считаю, что отряд Ковалева, выполнив задачу, при отходе подвергся нападению финнов. Через озеро противник теперь не даст ему уйти. Ковалеву нужно прорывать фронт — либо на правом фланге, либо на левом. Но определенно где — решать должен только он сам, исходя из обстановки.

Комбриг задумался. Прошелся взад-вперед.

— Раненых от него не поступало?— повернулся Солдатов к начальнику штаба.

— Нет, товарищ подполковник,— ответил майор Сергеев.— Раненые поступили только из групп скользящего направления.

— Как считаете, сможем хоть как-то помочь Ковалеву?— обратился он к Сергееву и Афанасьеву.

— Если только артиллерийской поддержкой,— неуверенно ответил начальник штаба.— И то наугад, по береговой линии. Нам неизвестно, где ведет бой Ковалев, как бы не попасть по своим.

— Стрельба слышится в километре слева от гарнизона,— подсказал Афанасьев.— Финны ведут арт-обстрел по берегу озера, где предположительно должны находиться плавсредства отряда — разрывы снарядов видны с острова...

Комбриг снова задумался. В нем уже не чувствовалось той уверенности и решительности, с какой он держался всегда. Но и растерянности не было. Его лицо выдавало лишь нервное беспокойство.

— В чем же мы просчитались, Сергеев?— посмотрев на начальника штаба, вдруг спросил он.—

Не может же быть, чтобы у финнов в гарнизоне было столько сил и они сумели прижать десант! Откуда они так быстро подбросили резервы?

— При разработке операции учли вроде все, товарищ подполковник,— пожал плечами майор Сергеев.— Крупных сил у противника в районе деревни Ондозеро не должно быть. Это подтвердил и язык.

— Но Ковалев до сих пор ведет бой не со Змеем Горынычем, так ведь?

Начальник штаба промолчал.

— Товарищ подполковник, есть сигнал от десанта!— вдруг выкрикнул радист и напряженно согнулся над рацией, записывая радиogramму.

Комбриг и майор Сергеев одновременно шагнули к нему.

— Вот,— протянул радист листок бумаги Солдатову.

«Несу потери! Несу потери! Срочно нужна помощь! Второй радист убит. Передачу веду левой рукой»,— прочитал вслух комбриг радиogramму от Ковалева.

— Его что, парализовало?— разозлился Солдатов и выругался.— Твердит как попугай одно и то же!

— Ты передал, чтобы он выходил на исходный рубеж, как тебе велели?— строго спросил Сергеев радиста.

— Так точно. Но они нас, видимо, не слышат,— ответил тот.— Судя по радиogramме, их рация работает только на передачу.

Солдатов повертел в руках радиogramму, затем смял ее и швырнул на пол.

— Все, хватит выжидать!— заявил решительно.— Готовьте три-четыре взвода, надо выяснить, в чем там дело!

— Но через правый фланг не пройти! Там ночью нашумели наши роты, отвлекая противника,— заявил начальник штаба.

— Посылайте с левого! Мне надо точно знать, что там в конце концов произошло!

Принять такое решение — обойти Ондозеро с юга и бросить еще около ста человек в логово разъяренного врага — это значило погубить людей. Но Солдатов его принял и отступить не захотел. Вернее, он отступился бы, если бы точно знал, что эти люди отряду Ковалева уже ничем помочь не смогут.

Майор Сергеев, подчиняясь воле командира бригады, связался с третьим батальоном и приказал выделить три взвода для обхода Ондозера на помощь десанту.

— Капитан, возьми еще бойцов из роты разведки и готовься выступить,— сказал он Афанасьеву. Начальник штаба все же решил выждать хоть немного в надежде на то, что комбриг передумает и отменит неразумный приказ, да и, может, к этому времени обстановка на том берегу озера окончательно прояснится.

Но новых сведений от капитана Ковалева больше не поступало. И вскоре Афанасьев с группой бойцов — 80 человек — двинулся в путь...

оз. Лайяозеро
2 сентября 1942 г., 14 час. 10 мин.

Потеряв всякую надежду выйти на связь с бригадой, Ковалев перестал обращать внимание на раненого старшину 1 статьи Якушенкова, колдовав-

шего у рации и пытавшегося левой рукой вызвать радиста на восточном берегу Ондозера. Теперь, после нескольких атак егерей и убийственного минометного огня, обрушенного в ярости на отряд финскими минометчиками, капитан ясно осознал всю трагичность своего положения. Не только ему, но и всем десантникам стало понятно, что до вечера им уже не продержаться. Было еще только два часа дня, а в отряде способных держать оружие оставалось не более пятидесяти человек. Остальные либо убиты, либо тяжело ранены. Особенно большие потери оборонявшиеся понесли во время последнего минометного налета. Мины разворотили все болото, и от них нельзя было нигде спрятаться. Отдельные из бойцов не выдержали этого кромешного ада и в отчаянии начали выползать из болота, но тут же попадали под меткий огонь вражеских снайперов. Силы отряда таяли на глазах. Погибли старший лейтенант Сапов, военком Языков, младший лейтенант Пыринов, тяжелораненый уполномоченный особого отдела сержант Рыжихин подорвал себя гранатой. Не стало в живых военфельдшера Слатвицкого, главстаршины Краевого.

В рядах оставшихся в живых десантников все сильнее и сильнее зрело недовольство действиями командира отряда. Даже старший батальонный комиссар Барков, находившийся рядом с Ковалевым, в разговоре с ним не удержался и высказал сомнение по поводу правильности его решения укрыться на болоте. Да Ковалев и сам понял, что совершил непоправимую ошибку, заняв круговую оборону в болотине. «Нужно было прорываться!— злился теперь на себя капитан.— Сразу же, не надеясь на помощь из-за озера и не дожидаясь темноты!» Но Ковалеву даже сейчас, когда отряд оказался в отчаянном положении, не хватало

решимости поднять людей в последнюю контратаку. Оставить убитых, раненых — и попробовать вырваться! Кто-то да уцелеет, ускользнет из этого мешка! Капитана охватило какое-то оцепенение, и чужой голос твердил ему: держаться, держаться! Свои не оставят в беде, придут, выручат!

В короткую минуту затишья к нему подполз весь облепленный грязью главстаршина Шевченко.

— Товарищ капитан! Еще один минометный обстрел и от нас ничего не останется! Нужно что-то делать!

— Держаться, главстаршина! Нужно держаться! — упрямо проговорил Ковалев.

— Но это безрассудно, товарищ капитан! Егеря забросают нас минами!

— А ты что, хочешь оставить своих товарищей? Раненых? Или — плен?

Шевченко замолчал, не зная, как ответить на этот веский довод.

— Наши наверняка слышат бой, и я думаю, что-то уже предпринимают! — заявил Ковалев. — Надо держаться.

— Тогда люди сами побегут отсюда, не дожидаясь твоего приказа! — вступился за главстаршину Барков, слышавший весь разговор. — Рано или поздно, но это случится! Пойми, капитан, бывают такие ситуации, когда выбирать не приходится. Хорошо, мы не оставим раненых — тогда умрем здесь все, и раненые тоже. Но если есть шанс остаться кому-то в живых, почему бы им не воспользоваться? Хотя, я уверен, теперь и такого шанса уже нет...

— Погибать — так в бою! А не ждать, когда тебя миной накроет! — снова заговорил Шевченко. — Думаю, нам раненые это простят.

Словно в подтверждение слов главстаршины вновь ухнули минометы, вслед за этим с против-

ным свистом пронеслись над их головами две мины и разорвались неподалеку. Новый залп — и новые разрывы вздыбились на болоте. Финны повели по десантникам очередной губительный минометный обстрел.

— Товарищ капитан, ну делайте что-нибудь! — с отчаянием выкрикнул Шевченко. — Надо прорываться! Иначе они смешают нас с грязью!

Ковалев наконец решился.

— Борис Николаевич! — обратился он к Баркову. — Вы старый коммунист. Обратитесь к бойцам, если кто из них пойдет на прорыв — идите! А я останусь здесь.

— Хорошо, капитан! Извини, если что не так, но, поверь, главстаршина прав — надо прорываться, надеяться больше не на что. Идем и ты. Все вместе, может, вырвемся!

— Нет. Я не могу. Как командир отряда я не имею права оставить раненых! — голос у Ковалева дрогнул. — Если вам удастся вырваться, идите на юг, в сторону Сегежи. Прощайте!

У Баркова на глаза навернулись слезы. Он понимал, что капитан и те, кто не захочет пойти с ним, погибнут. Все погибнут, и раненые в том числе. Старший батальонный комиссар хорошо понимал, что и у тех, кто пойдет на прорыв, шансов остаться в живых тоже практически нет. Но безысходность положения больше всего страшила его и призывала к действию, хоть и безнадежному, а все же — действию.

— Прощай, Ковалев! — Барков сильно сжал руку капитана, затем решительно пополз, не оборачиваясь назад.

Ковалев проводил его долгим взглядом, повернулся к Шевченко:

— Иди и ты с ним, главстаршина. Помоги ему,

если что... Не поминай лихом! — махнул капитан на прощанье рукой.

— Прощайте, командир! — Шевченко уполз вслед за Барковым.

Ковалев не видел, кто из десантников решился пойти на прорыв с Барковым, не видел он и оставшихся — высокая осока скрывала и тех и других. Рядом с ним были только убитые — пулеметчик Гвасалия, радист Якушенков, разведчик из его роты Калистов и еще один моряк, которого он не знал.

На какое-то мгновение Ковалев забылся, перестал ощущать окружающий мир и видеть весь ужас минометного обстрела, его охватило безразличие ко всему происходящему. Было все равно — останется в живых или умрет. Ковалев отложил в сторону автомат, перевернулся на спину и, глядя в бездонное серо-голубое осеннее небо, лежал несколько минут неподвижно, отдавшись во власть этого безразличия. Он почувствовал себя освобожденным от всего, от всех и главное — от мучавшего его вопроса: повинен в гибели отряда или нет? Теперь уже это неважно. Теперь все равно...

Вернул его к действительности донесшийся, как ему показалось, издалека крик: «Впе-е-ред, братва!», а затем отчаянное: «Ур-р-ра-а!».

«Это Барков с главстаршиной пошли на прорыв», — подумал Ковалев и, не обращая внимания на вспыхнувшую тут же стрельбу, поднялся во весь рост, чтобы посмотреть на безумную атаку отчаявшихся моряков. Но он не увидел ничего — раздавшийся рядом взрыв обдал его горячей болотной грязью, свалил с ног. Ковалев хотел было подняться вновь, но сильная боль резанула в левом плече и он, вскрикнув, потерял сознание.

Сколько лежал в бесспамятстве, Ковалев не пом-

Командир взвода
разведки бригады
К. П. Тимонен
(1943 г.)

нил, а когда очнулся, увидел склонившегося над ним знакомого моряка по фамилии Мужичек. Тот пытался его тащить.

— Не надо, браток,— застонал Ковалев.— Не надо, мне больно.

— Тихо, товарищ капитан! Все кончено. Сюда идут финны и всех, кто еще жив, пристреливают. Надо уползать!— зашептал моряк.— Нам только бы добраться до леса.

Ковалев напряг слух. Со стороны дороги слышались лай собак и разговор на чужом языке. Потом — выстрел из пистолета, немного спустя — второй. «Они обшаривают болото и добивают раненых! Сволочи!»— сжал зубы Ковалев и снова за-

стонал: боль в левом плече отдавалась по всему телу.

— Ползите за мной, товарищ капитан!— настойчиво затормошил его моряк.— Надо ползти...

— Некуда нам с тобой ползти. Они с собаками!— отрешенно проговорил Ковалев.— Где мой автомат?

— В нем нет патронов. У меня тоже кончились.

— Наши прорвались, не знаешь?

— По-моему, нет,— помолчав, ответил Мужичек.— Они даже до леса не дошли — снайперы не дали.

— А раненые где?— снова спросил капитан.

— Какие раненые? Слышите, они их пристреливают! Они за гарнизон с нас шкуры спустят, надо спастись!

— У тебя же есть гранаты...

До матроса сначала не дошло, зачем капитан заговорил о гранатах, а когда он сообразил, о чем речь, ужаснулся и, заикаясь, зашептал:

— Нет-нет, я не смогу!

— Тогда отдай мне,— совсем спокойно сказал Ковалев, словно просил что-то пустячное.

— Неужели нет никакого выхода...— пробормотал матрос в растерянности.— Неужели придется здесь сдохнуть!

— Дай ее мне!— снова попросил Ковалев.

Но Мужичек засунул гранату обратно в карман и, ни слова больше не говоря, подхватил капитана, потащил его в окопу. От сильной боли в левом плече Ковалев чуть не потерял сознание.

— Что же ты мне руку выкручиваешь, браток?— застонал он.— Она же горит у меня вся!

Матрос остановился, осмотрел плечо Ковалева.

— Крепко шарахнуло,— покачал он головой, перевалился через капитана и, подхватив его уже за правую руку, пополз с ним дальше.

Ковалев не понимал, зачем его тащит матрос, он знал, что все это зря, что пришел конец. Ему почему-то захотелось, чтобы это наступило как можно скорее.

— Послушай, друг, оставь ты меня в покое,— пытался убедить он моряка.— Отдай гранату, а сам спасайся. Одному же легче спрятаться.

Но тот не отвечал и продолжал тащить капитана.

— Как командир приказываю тебе — оставь!— потребовал Ковалев.— Оставь!

— Тише, услышат!— взмолился Мужичек.

Собачий лай послышался где-то впереди. Затем совсем рядом раздался выстрел из пистолета. Мужичек хотел привстать, оглядеться, но ни руки, ни ноги не слушались его. Безумный страх вдруг охватил матроса. Услышав, как сильнее застонал капитан, он испугался, что тот закричит, быстро вынул из кармана гранату и сунул ее в руку Ковалева.

— Katso, tuolta punikilta on jalat poikki ja hän vielä yrittää karkuun. Onpa sitkeä, venäläinen roisto!¹ — неожиданно услышали они поблизости незнакомую речь.

— Что, мать вашу так, нашли — обрадовались! Ну идите, идите сюда, я вам глотки перегрызу,— послышалось в ответ, и дальше — сплошной мат.

Голос показался капитану до боли знакомым. Но кто это мог быть?!

— Давай, давай, сволочи, подходи!

Ковалев вспомнил: это был голос Василия

¹ Смотри, у этого красного обе ноги оторваны, а он еще ползти куда-то пыжится. Живуч, русская гадина!

Максина, командира стрелкового отделения. Он тоже, оказывается, еще жив!

— *Lisää sille konepistoolistasi, kyllä lakkaa rimpuilemasta!* — снова сказал кто-то.

И тут же раздалась автоматная очередь.

Мужичек сжался, затаился. Холодная испарина выступила у него на лбу. «Пронеси их, господи! Пронеси... Найдут — убьют! А я еще и не жил как следует!» — расширенными от страха глазами он стал искать, куда бы спрятаться, исчезнуть, раствориться... Однако принять какое-либо решение не успел, осока раздвинулась, и прямо перед своим лицом он увидел две пары сапог.

— *Katsonah, tuolla on vielä kaksi!*² — громко сказали над ним.

— *Lopeta heidät ja mennään edelleen!*³ — отзывался другой.

— *Odotahan, tuo taitaa olla upseeri!*⁴

Капитан Ковалев как лежал ничком, так и остался лежать. Когда один из егерей сильно пнул его сапогом, он напрягся, будто бы собираясь встать, а сам незаметно сунул здоровой рукой гранату между колен и, собрав остатки сил, дернул за кольцо. Прогредел взрыв. Последнее, что Ковалев услышал, — это истошный крик матроса Мужичка: «Не на-а-до!!!» И все, сознание его провалилось в бездну, он перестал ощущать себя...

¹ Добавь ему из своего «суоми», чтобы больше не пыжился!

² Вот еще двое!

³ Прикончи и пошли дальше.

⁴ Погоди, вот этот вроде офицер!

оз. Ондозеро

4 сентября 1942 г., 1 час 30 мин.

Когда начался минометный обстрел, старшина Мочихин лежал в десяти метрах от Лайязера. Недалеко от него находились еще несколько бойцов, тоже раненых. Но первые же разрывы мин смешали их тела, было трудно разобраться, кто из них ранен, а кто уже убит. Старшина, чтобы уберечься от визжавших повсюду осколков, ногами стал драть мох и осоку, пытаясь сделать хоть какое-нибудь углубление. Это давалось с трудом, а вражеские мины все ближе и ближе дыбили болотную жижу, обливая его торфяной грязью. Мочихин понял, что не успеет вырыть ногами себе углубление и какая-нибудь из следующих мин обязательно угодит в него или же поразит осколками. Тогда старшина, преодолевая боль в руках, снова пополз к озеру. Только в воде он видел спасение. Добравшись наконец до береговой кромки, он скатился в озеро. У самого берега было неглубоко, но он почувствовал, что его ноги продолжают медленно погружаться глубже во что-то более плотное, чем вода. Старшина испугался: он знал такие озера, дно которых на несколько метров покрыто жидким илом,— и резко потянулся к большой кочке, схватился простреленной рукой за осотные ее косы.

Минометный обстрел длился около получаса. Потом все стихло. Казалось, что после такого ада все живое на болоте перестало существовать. Но это только казалось. Не успели егеря приблизиться к развороченному взрывами болоту, как то тут, то там загремели выстрелы. Оставшиеся в жи-

вых десантники продолжали сражаться. Однако огонь уже не был таким плотным, как вначале, и вражеские солдаты ворвались на болото с двух сторон, оно сразу же огласилось криками и лаем собак. Озверев от упорства обороняющихся, финны нещадно палили из автоматов, не жалея никого. Мочихин из-за кочки видел, как подрывались гранатами те, у кого не было патронов, а у кого они еще оставались, продолжали стрелять, не подпуская врагов.

Старшина не мог без боли смотреть на безжалостную расправу над десантниками. Он закрыл глаза, чтобы не видеть всего этого, и застонал от бессилия. Где-то там, на болоте, оставались неунывающий Гвасалия, вездесущий главстаршина Шевченко, военфельдшер Слатвицкий, капитан Ковалев, младший лейтенант Пыринов, разведчики Миша Гуляков, Паша Талашев, Саша Калистов, Сергей Сурков...

Приближающийся лай овчарки заставил Мочихина вспомнить о себе. Он глубже опустил в воду и притаился, спрятав голову под кочку. Если сейчас собака его учует, все — конец! Но овчарка, не добежав до кромки болота, остановилась, пригнувшись, а затем повернула назад. Вслед за ней зачавкали сапоги финского солдата.

— Täällä on vain kuolleita!¹ — крикнул он и стал удаляться от озера.

Старшину, до этого не ощущавшего холода воды, вдруг пробил озноб — от слабости духа, перенапряжения нервов. Чтобы успокоить себя, он съел несколько глотков мутной воды и снова осторожно высунул голову из-под кочки: вражеские солдаты, завершив свое черное дело, начали стаски-

¹ Здесь только мертвые!

вать тела убитых десантников в одно место. Они делали это нехотя и безгласно — накидывали на шею убитого брезентовый ремень, затягивали его, а затем тащили труп волоком.

Егеря долго шныряли по болоту, собирая оружие и тела убитых. Только к вечеру они покинули место боя.

Мочихин подождал еще некоторое время, вслушиваясь в наступившую тишину, затем тихо, чтобы не шуметь, стал выбираться из воды. С первой попытки ему сделать это не удалось: тело задеревенело, раненые руки обессилели, а ноги засосало в ил так, что он не мог выдернуть их. Старшина попробовал еще раз, но обе ноги крепко увязли в донном иле. Мочихин забеспокоился, лишь сейчас он обратил внимание, как его сильно засосало. И новый страх охватил Мочихина — спастись от одной смерти, а другая, более жестокая, подстерегает здесь же! Старшина исступленно схватился за кочку, подтянулся к ней, затем собрал в один пучок осоку, закусил его зубами, чтобы помочь ослабевшим рукам, и напрягся, вытягивая сначала одну ногу — медленно и нехотя, но все же вязкий ил отпустил ее, затем с большим трудом удалось вытащить вторую, оставив при этом ботинок.

Выбравшись на берег, Мочихин в изнеможении повалился на землю и облегченно вздохнул: наконец-то! И хотя он сильно устал, хотя после двух бессонных ночей хотелось спать, старшина пересилил себя и заставил ползти туда, где лежали его товарищи — может, кто-то еще жив!

Но среди десантников живых не оказалось. Они лежали друг на друге — кто ничком, кто лицом вверх, почти все раздетые и разутые врагом. Мочихин ползал вокруг кучи человеческих тел и, как одинокий зверь, покинутый всеми, выл, не стыдясь слез.

Старшина 2 статьи
И. А. Мочихин
(1957 г.)

— Ребята! Ребятюшки!— звал он.— Ну хоть кто-нибудь из вас живой?!

Но трупы молчали. Тогда он стал заглядывать им в лица, дотрагиваясь до каждого. Однако тела краснофлотцев и красноармейцев успели остыть и веяло от них холодом. Замерз он и сам. Если бы можно было снять с себя обмундирование, выжать его! Но ранеными руками этого не сделать. Воспользоваться одеждой или плащ-палаткой убитых тоже нельзя: все ценное вражеские солдаты сняли и унесли с собой.

Мочихин продрог окончательно. Нужно было идти, двигаться. Но куда — он не знал, да и не хотелось никуда идти. Ему вдруг стало все безразлично, даже страх за собственную жизнь и тот вдруг пропал. Единственное, что его еще мучило,— это то, что он живой, а они мертвые.

Вывел старшину из гнетущего состояния яркий свет взметнувшейся в небо ракеты. Вспокоенные егеря на всякий случай освещали Ондозеро, боясь повторения случившегося. Мочихин быстро поднялся и пошел в сторону леса. Пройдя несколько метров, он вдруг споткнулся о что-то мягкое и упал. А когда с наблюдательной вышки выпустили новую ракету, при свете ее он увидел сержанта Чернова, лежащего на земле рядом с каким-то матросом в одной тельняшке. Сержант прижимал к себе этого матроса, словно своей оголенной грудью пытался закрыть его. Оба были мертвы. У матроса юное, почти девичье лицо, настолько юное, что Мочихин ужаснулся: а не девушка ли это в самом деле? Почему они здесь, а не там, где все? Егеря не нашли? Или поленились тащить? Мочихин еще раз взглянул на юного матроса — ну девушка и все тут! А не галлюцинации ли это?!

Старшину вновь охватил страх. Он побежал. Бежал до тех пор, пока снова не споткнулся и не упал. А вставать и идти куда-то уже не мог. Так и остался лежать, пока его не сморил сон.

На следующий день, когда он проснулся, было уже светло. Старшина, вспомнив, где находится, осторожно приподнял голову и осмотрелся. Вокруг никого. Он на болоте совершенно один — руки в крови, в изодранной тельняшке, в одном ботинке. Старшина тоскливо посмотрел туда, где лежали его мертвые товарищи, и его вдруг снова потянуло к ним. Потянуло нестерпимо, страстно — ему даже почудилось, что оттуда его кто-то звал. И он хотел уже пойти, как вдруг увидел солдата-велосипедиста, проезжающего по дороге из гарнизона. За ним бежала овчарка. От неожиданности Мочихин сразу бросился на землю, но собака успела его заметить, свернула с дороги. Вскоре она под-

бежала к нему, почему-то тихо заскулила и замала хвостом. Старшина, уже лежа на земле, незаметно опустил левую руку в карман, нащупал «лимонку» и ухватился за кольцо: «Если начнет лаять и кусаться, подорвусь вместе с ней! Это будет лучше, чем получить пулю в затылок!» И тут же другая мысль с нервной тоской мелькнула у него в голове: «Глупо все вышло: из такой передряги выбрался, а тут — на тебе!» Он приготовился к самому худшему. Но овчарка неожиданно ткнулась влажной мордой ему в лицо и принялась облизывать его раненные руки. «Черт побери, может быть, она из наших?» — удивился, ничего не понимая, Мочихин и стал отталкивать от себя собаку.

— Пошла, пошла отсюда! — зло зашептал старшина. — Кому говорю: пошла прочь отсюда!

Овчарка отскочила от него, но не уходила.

— Прочь, говорят тебе! — чуть громче и строже повторил Мочихин, отпугивая собаку ногой.

С дороги раздалось настойчивое посвистывание — финский солдат позвал собаку.

Овчарка повернула голову к дороге, потом к Мочихину, сильнее заскулила и наконец не выдержала, побежала за финским солдатом. А старшина еще долго оставался на земле, не вынимая руки из кармана, где была граната. Он все еще не верил в счастливый исход случившегося — дважды такого не бывает, и, весь в напряжении, ждал, что солдат вместе с собакой вот-вот появится на болоте. Ждал, боясь поднять голову. Но ни собака, ни солдат больше не появлялись, и он решил в конце концов вынуть из кармана онемевшую руку.

Когда опасность быть обнаруженным совсем миновала, Мочихин вдруг ощутил нестерпимый го-

лод — он уже вторые сутки ничего не ел. Рези в животе напомнили ему об этом, но у него ничего не было, даже сухаря. На душе у старшины стало паршиво. «Чего я боюсь? Егерей, собак? Пули? — заныло его сердце. — Умереть?! Так все равно сдохну здесь с голоду! Не выбраться мне отсюда ни за что! Финны наверняка усилили охрану побережья озера, раз ночью его освещали ракетами. А идти через фронт, еще в одном ботинке — не дойти».

На какое-то время он потерял самообладание: «Плевать на все!» Поднялся с земли и, больше не прячась, пошел в сторону деревни. Почему именно туда, зачем — этого он сам не понимал. Нужно куда-то идти. Он был на грани безумия и ни разу не взглянул на деревню, хотя оттуда его могли заметить. Опомнился лишь когда оказался почти на окраине, на небольшом овсяном поле. Старшина опустился на колени и стал жадно хватать метелки с овсом спекшимися губами. Зерна были мягкими и горькими, но он жевал и жевал их. Потом повалился на землю, затрясся в иступленном рыдании. Безысходность, все это время владевшая им, отступила, и он дал волю слезам. Будто изгой, отставший от стаи, он стонал и бился головой о землю, пока, пригретый солнцем, снова не заснул. Но даже во сне его тело постоянно вздрагивало, а далекий голос твердил одно и то же: «Почему их нет, а я живой?! Нельзя же так!»

Хотя и недолгим был сон старшины, но несколько успокоил его. Мочихин пожевал еще овса, обдумывая свое положение. Затем решительно поднялся и пошел прочь от гарнизона, в сторону озера, вернее, к тому самому месту, где более суток назад высадился десантный отряд. Он надеялся найти там хоть одну целую лодку и добраться до своих. «В бригаде должны знать о судьбе

отряда!»— убедил он самого себя в правильности выбранного решения.

Теперь он пробирался с оглядкой, вздрагивая и озираясь по сторонам при каждом неосторожном шаге.

Было уже темно, когда он наконец добрался до желанной цели. Но прежде чем пересечь дорогу и спуститься к озеру, старшина долго сидел в кустарнике, прислушиваясь к шорохам. Человеческих голосов не было слышно, и он, перебежав через дорогу, оказался на берегу Ондозера — как раз в том самом месте, где высаживался десант.

Никаких лодок Мочихин не нашел. У берега в воде плавало два полузатонувших бревна и валялось несколько почерневших досок, которые могли держаться на плаву. Он попробовал взобраться на бревна, однако они оказались настолько промозглыми, что тут же уходили под воду. Нет, на них не добраться!

Мочихин вышел из воды и медленно побрел вдоль берега, пытаясь обнаружить еще что-либо, более надежное. Но на глаза ничего не попадалось.

Пройдя метров двести по берегу, он оказался в тростнике. Острые листья тростника жалили раненые руки, и старшина уже собрался выйти на дорогу, как вдруг уловил слабое поскрипывание уключин — кто-то на лодке греб в его сторону. Мочихин присел в тростник, с тревогой прислушиваясь к поскрипыванию уключин. «Неужели наши послали разведку, чтобы узнать, что случилось с отрядом?»— с затаенной надеждой подумал он и стал ждать.

Вскоре он увидел, как к берегу, ближе к деревне, причалили две небольшие лодки, из которых выпрыгнули четверо солдат и стали развешивать мокрые сети. Они о чем-то переговаривались, иногда

смеялись. Это были финны. «Видимо, с рыбалки возвратились. И не боятся, гады!»— Мочихин продолжал наблюдать за ними.

Финские солдаты, развесив на кустах сети и взяв улов, ушли. Старшина выждал еще полчаса, боясь, что кто-нибудь из них надумает вернуться, потом осторожно стал подбираться к лодкам. «Все же на свете есть бог! Ну если не бог, то кто-то такой, кто хочет, чтобы я остался в живых,— подумал Мочихин.— Не причаль сейчас эти финны, черт знает, что со мной было бы». Хотя старшина хорошо понимал, что дело совсем не в боге, а в случае, который бывает раз в жизни, да и то не со всеми, и который называют в народе судьбой.

Он подобрался, как вор, к лодкам, заглянул в них — в обеих лежали весла, но и в обеих было много воды. Попытался стащить левой рукой крайнюю, та не поддавалась. Тогда старшина подошел к другой, уперся в нее всем телом, и лодка медленно сползла в воду. Мочихин подхватил ее и потащил по тростнику на глубокое место. Когда стал забираться в нее, то чуть не закричал от боли в руках. А забраться в лодку, чтобы не упереться руками в борт, он не мог. Пришлось тащить лодку назад, где было помельче. Там ему наконец удалось забраться, одним веслом он стал выгребать лодку на чистую воду. «Теперь бы до рассвета успеть пересечь озеро и добраться до острова!— разволновался он.— Доберусь! Руки в кровь собою, а теперь-то уж доберусь!»

Старшина стал отводить лодку вправо, подальше от наблюдательной вышки. Догадайся сейчас часовой выпустить осветительную ракету, его бы обнаружили сразу. Этого и опасался Мочихин. Но в ту ночь финны, на его счастье, не освещали озеро ракетами, видимо, решили, что десантники все уничтожены,

а русские раз в первую ночь не пришли им на помощь — значит, больше не придут.

Старшина загребал веслом то с одного борта, то с другого, стараясь держать лодку прямо. При каждом движении раненая рука болела. Не обращая внимания на боль, Мочихин греб и греб, моля бога, чтоб его не заметили и чтоб не лишиться сознания, потому что от потери крови у него уже начала кружиться голова.

Когда он отплыл от берега довольно далеко и почувствовал себя в безопасности, его вдруг охватило смутное беспокойство — почему-то не было большой радости от того, что возвращается к своим живым; чем ближе становился свой берег, тем сильнее нарастало это беспокойство. Сейчас он еще не осознавал до конца, что это странное его душевное состояние — не что иное, как чувство собственной вины за то, что все, с кем он был, мертвы, а он — живой.

Страшное чувство! Оно пока еще только-только шевельнулось в глубине его души. Но пройдут годы, закончится война, и это чувство вины будет мучать старшину 2 статьи Ивана Мочихина всю жизнь.

К счастью, этого он еще не осознавал...

*штаб 85-й бригады
4 сентября 1942 г., 11 час.*

Подполковник Солдатов, отправив группу бойцов вокруг Ондозера на помощь десанту, не успокоился на этом. Он приказал радистам штабной радиостанции постоянно вызывать капитана Ковалева. И хотя прошло уже двое суток, как затих бой на

западном берегу озера, комбриг все еще надеялся, что Ковалев смог ускользнуть от егерей. Он не верил, вернее — не хотел верить, что десантный отряд уничтожен. Солдатов не хотел смириться с тем, что произошло. Его не устраивало это. Все должно было быть иначе! Подполковник замучил своего начальника штаба майора Сергеева бесполезными теперь вопросами, уточнениями данных разведки, сомнениями в деталях плана операции. Раздраженный неудачей, он кричал на всех, кто попадал ему под руку.

Комиссар Девяшин как мог успокаивал его, наказывая адъютанту никого в землянку не пускать. «Война есть война! И тут уж ничего не поделаешь, Николай Кириллович, приходится и нам вкушать горечь поражений! — тихо говорил он комбригу. — Да, может быть, еще не все так плохо, как мы считаем!»

Но Солдатова это не утешало. Он хорошо помнил слова командующего армией генерал-майора Никишина: «Твой час не пришел, но он придет... Вот тогда мы спросим с тебя сполна!» Командарм спросит за провал операции! Спросит обязательно! И оправданий у него, подполковника Солдатова, не будет, да и не должно быть! «А в чем, собственно, моя вина? — пытался собраться с мыслями Солдатов. — В том, что послал людей бить врага! В том, что я как коммунист сам готов умереть за Родину! В конце концов, комиссар прав: война есть война! Не только у меня в бригаде гибнут люди!»

А ведь случись наоборот — проведи Ковалев операцию как надо, тогда не нужно было бы гадать: виноват — не виноват, тогда было бы все иначе: бойцам — медали, заслужили. В штаб армии — подробный отчет об успешной высадке десанта и разгроме вражеского гарнизона. Глядишь, всей брига-

де — слава. Эх, Ковалев, Ковалев... Что же у него там могло случиться? Откуда финны так быстро подтянули к гарнизону подкрепление?

— Товарищ подполковник! — прервал его размышления адъютант, вбежавший к нему в землянку. — Старший сержант Белов докладывает с первого поста наблюдения: с западного берега приплыл раненый матрос.

— Кто?! — привстал из-за стола комбриг.

— Матрос из разведроты. Кажется, Мочихин его фамилия, — неуверенно ответил адъютант.

— Матроса срочно ко мне! — взволнованно приказал Солдатов. — Срочно!

— Его посадили на лошадь и скоро он будет здесь.

— Сразу же ко мне! — повторил комбриг. «Ну вот, сейчас будет все ясно — ушел Ковалев от финнов или нет», — разволновался Солдатов. Но, хотя в глубине души он и питал надежду на более благоприятный исход, тяжелое предчувствие подсказывало ему: нет, хороших вестей о десанте не жди — чудес на войне не бывает.

О приплывшем с вражеского берега матросе вскоре узнал весь штаб бригады. В землянку к комбригу пришли комиссар Девяшин, майор Сергеев, капитан Таран.

— Николай Кириллович, слышали о матросе? — спросил возбужденный комиссар.

Солдатов махнул рукой:

— Знаю, знаю...

Потом полез в стол, достал карту. И молча уткнулся в нее.

— Как далеко ушел Афанасьев с группой? — оторвался от карты комбриг, обращаясь к начальнику штаба.

Тот помолчал, раздумывая, затем ответил:

— Думаю, километров двадцать-двадцать пять прошел.

— Что значит — думаю, надо знать точно! На связь он выходил? — повысил голос подполковник.

— Так точно, полчаса назад. Сообщил, что происшествий нет, продолжает движение, с противником пока не соприкасался.

Майор Сергеев понял, зачем комбриг поинтересовался группой Афанасьева: если приплывший с того берега матрос сейчас сообщит, что десантный отряд разбит, значит, высланную ему на помощь группу надо будет возвращать назад.

Наконец появился и долгожданный матрос — мокрый, в одном ботинке, в изодранной тельняшке, с перевязанными руками.

— Старшина 2 статьи Мочихин по вашему приказанию прибыл, товарищ подполковник! — доложил он, остановившись в проеме землянки.

— Проходи, проходи, Мочихин, садись, — пригласил его к столу комбриг. — Рассказывай все по порядку: что у вас там произошло?

— Отряд погиб, товарищ подполковник, — помолчав, проговорил старшина. — Все погибли, в плен ни один не сдался!

— А капитан Ковалев?

— Капитан Ковалев тоже погиб.

— Как же, старшина, это случилось? По рации он сообщил, что гарнизон разбит, операция проведена точно по плану — и вдруг...

— Отряд был окружен крупными силами противника уже после разгрома гарнизона. Капитан Ковалев вынужден был занять круговую оборону в невыгодном для нас месте. Мы отбили несколько атак, потом сами пытались прорваться, но не смогли, — ответил Мочихин, опустив вниз голову.

— Ну нет, старшина, так не пойдет, — подо-

шел к нему Солдатов.— Ты давай садись и все по порядку Расскажи. Все по порядку, понял?— Комбриг подтолкнул его к столу и заставил сесть.

Мочихин рассказал все, что знал и видел: как расстреляли из минометов их лодки, как десантники вынуждены были занять оборону в болоте, как добивали враги раненых, как прятался он от финнов в воде, как затем добирался до своих.

— В карте разбираешься?— спросил старшину Солдатов, когда тот закончил говорить.— Сможешь показать, где десант занял круговую оборону?

— Смогу, если карта крупномасштабная,— ответил Мочихин.

Комбриг пододвинул к нему карту.

Старшина склонился над ней, долго изучал, потом показал:

— Вот здесь, на болотине между озерами.

— Та-ак...— протянул Солдатов.— Худшего места Ковалев, конечно, найти не мог.

— Нам ничего не оставалось делать, как занять там оборону: финны зажали нас с двух сторон,— тихо сказал старшина, словно он был виноват в том, что десантники заняли невыгодную позицию.

— Ну а раньше? Раньше, черт возьми, куда он смотрел! Финны ведь не с неба свалились на вас!— сорвался комбриг.— Нужно было пробиваться на север, а не лезть в это болото!

Мочихин встал.

— Сиди, матрос, ты здесь ни при чем! Это вот они — командиры, мать их так!— комбриг ткнул пальцем в сторону стоявшего майора Сергеева.— Они целый месяц мараковали, рассчитывали, прикидывали, чтобы затем разом погубить полторы сотни людей! Правильно говорил мне командующий армией — не умеем воевать!

— Но, товарищ подполковник...— хотел было

возразить начальник штаба, но комбриг не дал ему договорить.

— Что — но?! Угробили мы с тобой отряд, вот и все «но»! — выкрикнул Солдатов. — Иди, майор, к радистам и отзывай срочно группу Афанасьева назад, пока и она не угодила в западню!

Обиженный Сергеев вышел из землянки. А Солдатов заходил от стены к стене, стараясь успокоиться.

— Старшину надо бы отправить в медсанроту, — подал голос до этого молчавший Девяшин.

— Конечно, конечно, — спохватился Солдатов, уняв в себе вспышку негодования. — Иди, матрос, залечивай раны. И благодари судьбу, что остался жив. Хотя с твоим ранением... — комбриг бросил взгляд на его руки и не договорил. — Ладно, иди, матрос. Будем живы — не помрем!

Что имел в виду подполковник, когда намекнул на его ранение, Мочихин понял только через день, уже в полевом госпитале, когда к нему пришел статный майор из особого отдела. Старшину вызвали из палаты в перевязочную, и там этот майор сначала вежливо, а затем с нажимом пытал его целых два часа: где, как, при каких обстоятельствах был ранен и почему именно в руки. Потом этот майор приходил еще несколько раз. И старшина наконец понял, что его подозревают в самостреле, а значит, в трусости и дезертирстве.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не вмешался сам комбриг. О посещении Мочихина особистами ему доложил военком разведроты Корзников, который наведаль старшину в госпитале.

Солдатов возмущился бесцеремонностью особого отдела и позвонил туда. Когда ему ответили, он не стал спрашивать, кто у телефона, а представившись сам, выложил:

— Говорит Солдатов. Я не вижу никаких оснований подозревать раненого разведчика. Вам достаточно было бы взять заключение у военврача. В крайнем случае, если вы не знаете, самострел легко определяется по пороховому ожогу. Да и дважды стрелять себе в руки станет только идиот! Оставьте матроса в покое. Что не ясно, я отвечу за него.

— Вы, Николай Кириллович, подумайте, как ответить за самого себя! — коротко ответили ему на другом конце провода и положили трубку.

г. Кемь
20 сентября 1942 г., 13 час.

20 сентября комбрига вызвали в штаб 26-й армии. А днем раньше туда выехал майор Сергеев. Солдатов догадывался, зачем его вызывают, и в общем-то был готов к этому. Хотя он до сих пор никак не мог понять, как Ковалев после успешной высадки десанта и разгрома гарнизона ухитрился угодить в ловушку? Подполковник знал, что за провал ондозерской операции с него спросят, и спросят строго. Но ему было все равно, какое наказание придумает командарм — дальше фронта не пошлет, а драться с ненавистным врагом он может где угодно. Наказание не страшило его, и все же настроение у комбрига было подавленным — кому хочется выслушивать нотации за ошибку других, пусть даже подчиненных тебе людей. Да и ошибка ли это? Может, роковая случайность?

Солдатов, пока добирался до штаба армии, все

время думал об одном и том же — почему погиб капитан Ковалев? Где он допустил промах, позволив финнам уничтожить десантный отряд? «А если виной всему ты сам, Солдатов? Если твое нетерпение, твой азарт погубили людей? — пытался анализировать он. — Нет. Если бы я сам там был, такого бы не произошло».

Взбудораженный предстоящим разговором с генералом, комбриг стал перебирать в памяти все схожие фронтовые случаи. «В феврале под Масельгской командир шестьдесят первой бригады Конышев без приказа хотел отбить у финнов опорный пункт, но не смог. Батальоны понесли потери. Что же Конышеву? — вспоминал Солдатов. — Его, кажется, одернули...»

«Одернули, поправили! — подполковник вдруг разозлился в душе на самого себя, — к черту все аналогии! Если бы война состояла только из одних наших побед, тогда, наверное, ее и не было бы!» Неуемная натура подполковника не терпела нытья, оправданий: что сделано — то сделано. Тем более что десант выполнил свою задачу — вражеский гарнизон разгромлен. А это главное! И Солдатов отбросил от себя все мучившие его вопросы.

Не знал комбриг, что в штабе армии об этом думали совершенно иначе, не знал он также и того, что оттуда уже послан новый начальник штаба — подполковник А. К. Лазарев и что уже заготовлен приказ о передаче бригады другому командиру — полковнику А. В. Скловскому. Но даже если бы он и знал, его все равно невозможно было бы убедить в неправоте собственных действий. Именно — действий, а не бездействия!

Солдатов прибыл в штаб армии во второй половине дня. Штабные командиры увидели его таким же уверенным в себе, каким он был всегда, и ничто

не выдавало его внутреннего беспокойства, скрытого за суровостью усталого лица.

Командующий 26-й армией генерал-майор Никишин принял его не сразу, заставив выждать в приемной почти полчаса. Солдатов не любил этого и в ожидании нервничал. Ему было неприятно сидеть напротив аккуратного адъютанта, который от нечего делать перебирал бумаги на своем столе и тоже чувствовал неловкость в присутствии старшего по званию. Подполковник не выдержал этого дурацкого состояния, встал и направился в коридор. Но не успел он закрыть за собой дверь, как услышал голос адъютанта.

— Товарищ подполковник, куда же вы? Командующий ждет вас.

Солдатов вернулся в приемную, бросил на стул пыльную фуражку и направился в кабинет командарма.

— Товарищ генерал, командир отдельной 85-й морской стрелковой бригады подполковник Солдатов по вашему приказанию прибыл!— войдя, доложил он, остановившись посреди кабинета.

Никишин никак не прореагировал, вызвал своего адъютанта:

— Пригласи ко мне Козлова,— коротко бросил ему.

— Ну, подполковник, рассказывай: как воюешь?— поднял голову командарм. Лицо его было суровым.

— Бригада занимает оборону во втором эшелоне на рубеже...

— Я знаю, на каком рубеже занимает оборону твоя бригада,— перебил его Никишин.— Ты говори, как воюешь с противником.

Солдатов стушевался. Он понял, чего именно добивается от него генерал. Помедлив, проговорил:

— Второго сентября сформированный из лучших бойцов бригады десантный отряд разгромил финский гарнизон в деревне Ондозеро. Но, к сожалению, большая часть людей из отряда погибла при выполнении боевого задания.

Последнюю фразу комбриг выдавил из себя глухо и тяжело.

— Конкретно?— повысил голос генерал.— Не люблю отвлеченных слов. Сколько людей погибло?

— При разгроме гарнизона противника погибли сто двадцать пять человек, из них — старшего и среднего начсостава — четырнадцать, младшего начсостава — тридцать два,— уточнил Солдатов. Он не стал говорить о потерях, которые понесли роты отвлекающего направления.

— Сколько всего в отряде было людей?— снова спросил командарм.

— Сто двадцать шесть человек.

— Значит, вернулся только один. Так, подполковник?

— Так, товарищ генерал!

— Выходит, остальные пропали без вести.

— Я считаю, товарищ генерал, они погибли,— твердо заявил Солдатов.

— На каком основании, подполковник? Ты что, сам видел, как они погибли или сам их хоронил?

— Это подтвердил раненый матрос. Кроме того, наши посты наблюдения слышали бой в течение двенадцати часов.

— Бросьте, подполковник!— раздраженно махнул рукой командарм.— Твой раненый матрос не мог всего видеть... Да дело и не в этом. Операцию ты провалил, людей погубил. Что от тебя ждать дальше?

— Товарищ генерал,— не сдержался Солда-

тов.— На войне всего не предусмотреть. Но люди погибли при выполнении боевого задания, в этом я убежден. А что касается меня, то я — человек действия и готов воевать с врагом там, куда посчитаете нужным послать...

— Все это, подполковник, есть не что иное, как оправдание бездумных поступков. Он, видите ли, человек действия! Действия командира такого ранга, как ты, всегда должны быть продуманы до конца. И мало разгромить гарнизон противника, его нужно разгромить при минимальных потерях! А у тебя получилось все наоборот. Конечно, честь и слава твоим матросам за исполненный долг и вечная память, если они погибли, а не попали в плен. Но ты, подполковник, после всего случившегося не можешь командовать бригадой. Помнишь, мы здесь с тобой уже встречались? Помнишь, о чем я с тобой говорил, когда ты рвался на передовую? Еще тогда у меня закралась мысль, что в тебе сидит какой-то бес, который правит тобой, как хочет!

Теперь Солдатов окончательно понял, что его отстраняют от командования бригадой. И отстраняют именно сейчас. Для этого и вызвали в штаб армии.

— Товарищ генерал, идет война, воюем мы с коварным и жестоким врагом. Поэтому в каждом из нас должен сидеть бес, а не ангел. Нас не учили отступать, но мы отступали! Нам говорили, что наша армия всех сильнее, так почему же нас бьют?!— Солдатов со свойственной ему вспыльчивостью решил высказать все, что передумал за последнее время.— Я вам отвечу почему: потому, что каждый из нас дрожит за собственную жизнь! И чтобы выжить, уцелеть, мы выдумали себе какую-то особую тактику окопной войны: зарываемся в землю и сидим — ждем, когда ослабеет враг. Ждем-

пождем, а если решимся попробовать силу свою, то тоже с оглядкой. Не получается — что ж, снова назад, в окопы, в землю. И не задумываемся, что тем самым деморализуем нашего солдата! Хотя здесь, на Карельском фронте, можно вести успешные наступательные бои. Не нужно только жалеть себя!

— В этом, подполковник, ты видишь всю науку войны? — жестко спросил командарм и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Не тебе об этом говорить. Не надо большого ума, чтобы положить жизнь на поле боя, тем более не свою. Вроде бы это — святое дело: как же, за Родину ведь! Но прежде чем жизнь положить, подполковник, надо уничтожить врага, чтобы после твоей смерти он не топтал нашу землю!

Вошел начальник штаба армии Г. К. Козлов:

— Вызывали, товарищ генерал?

— Да. Хотелось бы, Георгий Константинович, чтобы вы проанализировали операцию 85-й бригады по Ондозеру, — обернулся к нему Никишин. — А то ее командир сейчас тут мне целую лекцию по военной тактике прочитал.

Начштаба армии посмотрел на Солдатова. И в его взгляде комбриг не уловил сочувствия.

— Операция, несмотря на ее конкретность, рассчитывалась в основном только на фактор внезапности, на храбрость и отвагу бойцов. В то же время детальная разведка гарнизона была проведена не полностью. Не были также учтены следующие моменты: быстрая переброска противником резервов, так как гарнизон связан рокадными дорогами, слабое обеспечение отвлекающих подразделений огневыми средствами, неверный расчет на скрытный отход десанта через озеро при явном господстве авиации противника. И наконец — неправильные действия самого командира десанта в неожиданно

сложившейся ситуации. Все это и привело к фактическому провалу операции.

— Ну, подполковник, тебя удовлетворяет такой анализ операции опытного штабного командира?— спросил Никишин.

— Хорошо размахивать кулаками после драки,— зло ответил Солдатов. Он решил, что терять ему больше нечего.— Только интересно узнать, что сказали бы мне, если бы я выиграл эту драку?

— Если бы выиграл, как выразился ты сам, эту драку, мы порадовались бы твоей удаче и подивились бы беспечности противника,— недовольно бросил командарм,— но ты ее, к несчастью, проиграл.

— Не совсем,— вдруг не согласился Козлов.— Час назад Потапов из разведуправления мне сообщил: в 32-й армии соседнее с бригадой подразделение взяло языка — финского офицера, который участвовал в бою с десантом. По его показаниям, финны потеряли более ста пятидесяти человек.

— Это заслуга тех, кто остался на том берегу Ондозера, и никак не оправдывает его просчетов!— решительно произнес Никишин. Затем, обращаясь непосредственно к Солдатову, сказал:— Еще, подполковник, вопросы будут?

Тот молчал, багровея лицом.

— Тогда поезжайте в Беломорск, в штаб фронта, там решат, что с вами делать дальше,— официально объявил командарм.— А я отстраняю вас от командования бригадой.

Ни слова не говоря, Солдатов резко развернулся и быстрым шагом направился к двери. Но вдруг остановился:

— И все же, товарищ генерал-майор, на войне без жертв не обойтись. Я по-прежнему считаю, что мои люди погибли в Ондозере не зря. Побольше таких операций — и мы быстрее разобьем врага!

Никишин разозлился и хотел грубо обругать бывшего комбрига, но в это время начали передавать очередную сводку Информбюро: «...На фронтах за истекшие сутки ничего существенного не произошло». Подобная информация звучала уже несколько дней подряд.

Солдатов ушел, в кабинете командующего наступило недолгое молчание. Видимо, и Никишин и Козлов размышляли каждый о своем. Первым заговорил начальник штаба:

— И все же Солдатов, мне кажется, смелый командир. Жаль, что не удалось как следует проверить его в наступательных боях.

— Ему дай волю, он наломал бы дров!— возразил Никишин и тут же добавил:— Вся наша беда, Георгий Константинович, в том, что в армии еще, к сожалению, преобладают такие командиры, как Солдатов. Они на себе рубаху разорвут, только пусти их вперед! Но совершенно не владеют сегодняшней тактикой войны. А одним шапкозакидательством сейчас противника не одолеешь. И не грешно поучиться у него воевать! В будущем это ох как пригодится...

Да, горьки и тяжелы были уроки первых попыток вырвать инициативу у врага! Но именно они помогали советским воинам набираться опыта для будущих наступательных боев на Карельском фронте. А пока шел 1942 год — год нелегкого противостояния, год накопления мускулов, год ломки старых представлений о войне и год обновления в войсках командирских кадров. Это был еще и год глубокого осмысления пройденного этапа войны...

85-я морская бригада после двенадцатимесячного пребывания в резерве, во вторых эшелонах, вклю-

чилась наконец в активные бои с противником в начале 1943 года. В составе войск 26-й армии она теснила немецкие полки дивизии СС «Север» на кестеньгском направлении. Здесь бригада провела несколько успешных операций по уничтожению опорных пунктов врага. А разведчикам в апреле того же года удалось разгромить батальон немцев — в двухдневных боях противник потерял до 400 человек убитыми и ранеными.

В марте 1944 года по приказу Верховного Главнокомандующего всех моряков бригады отозвали на флот, который к тому времени остро в них нуждался, а остальные бойцы влились в разные подразделения 31-го стрелкового корпуса.

Но героический ондозерский десант 126 краснофлотцев и красноармейцев под командованием капитана Н. Ковалева не был забыт как неудачный боевой эпизод начального периода войны. О нем всегда помнили в разведотделах. На оперативных картах войск южного крыла Карельского фронта деревни Ондозеро, Ругозеро, Тикша были помечены как район важных оборонительных полос противника. И с момента гибели десанта разведка их велась постоянно.

Данные об оборонительных сооружениях финских частей в этом районе с особой тщательностью изучались в штабе 27-й стрелковой дивизии, которой предстояло здесь наступать.

Финское командование, предполагавшее, что основной удар русские нанесут там, где они отступали в 1941 году, просчиталось. Все долговременные укрепления на ребольском направлении, возведенные здесь финнами, их не спасли. В июне 1944 года 27-я стрелковая дивизия начала наступление севернее рокадных дорог этого района и, обойдя оборону противника, устремилась не на Ребо-

лы, как предполагали финны, а к Вокнаволоку.

Финская 14-я пехотная дивизия, чтобы не оказаться в окружении, вынуждена была оставить свои укрепления и в спешном порядке отступить, так и не оказав до конца войны нашим войскам серьезного сопротивления...

Вместо заключения

Весной 1988 года в военный комиссариат Октябрьского района города Кривого Рога Днепропетровской области зашел худой старик небольшого роста и дрожащей рукой протянул военному вчетверо сложенный тетрадный листок.

Военком усадил старика, а сам развернул листок и начал читать. «Я — Галенко Александр Борисович, 1920 года рождения, уроженец села Ивановка Онуфриевского района Кировоградской области. В 1940 году, в ноябре месяце был призван Онуфриевским РВК на действительную службу в Черноморский военно-морской флот, в г. Севастополь, где до начала войны окончил электромеханическую школу по специальности — электрик. В Севастополе в начале войны участвовал в боевых действиях с вражескими парашютистами. А затем добровольно пошел в формировавшуюся 85-ю отдельную морскую бригаду, которая потом была направлена на Карельский фронт. Будучи в рядах 85-й бригады, принимал участие в боях. С 1 на 2 сентября 1942 года в составе десантного отряда участвовал в разгроме вражеского гарнизона. В неравной схватке десант погиб. А я взрывной волной от мины был опрокинут в болото, и безоружного меня захватили в плен

финны. Так как я был рядовым краснофлотцем, меня после допроса с группой других пленных отправили на остров Сантахалинна, что недалеко от Хельсинки. Там я работал на хозработах до выхода Финляндии из войны. После возвращения из плена и проверки меня направили на промышленные работы в город Прокопьевск Кемеровской области. Там работал на водокачке. В июне 1947 года прибыл в Кривой Рог, где проживаю безвыездно по настоящее время. С 1947 по 1957 годы работал в отделе капитального строительства рудоуправления имени Розы Люксембург, а с 1957 по 1980 годы — в шахтопроходческом управлении № 2. В настоящее время пенсионер по старости. Обстоятельства моего заявления может подтвердить мой сослуживец по 85-й бригаде Д. Е. Массай, проживающий в Кривом Роге по ул. Грибоедова, д. 1, кв. 2. Прошу сделать необходимые запросы в инстанции по уточнению сообщенных мною данных и согласно записи в моем военном билете об участии в боевых действиях выдать мне удостоверение участника Великой Отечественной войны и все положенные награды».

Военком отложил тетрадный листок в сторону и еще раз внимательно посмотрел на старика. Тот тоже молча уставился на него. Так они смотрели друг на друга некоторое время. Старик не выдержал и, глухо кашлянув в кулак, зло проговорил:

— Что, таким, как я, не положено?

— Почему же раньше не приходили?— задал встречный вопрос военком.

— Да все потому же, что вы, как и другие, думаете, мол, сволочь, отсиделся в плену, а сейчас — награды ему подавай!

— Но зачем же так!— возразил военком.

— Так, так!— многозначительно произнес ста-

рик.— Думаете, легко мне было сюда идти? Думаете, легко было, когда из финского лагеря меня затолкали в свой лагерь? А в чем моя вина? В том, что не убили тогда, в сорок втором, на болоте? В том, что не подох с голоду в плену? Вам, не прошедшим через все это, не понять, какая все-таки страшная штука — плен!

Военком растерялся, он не знал, как успокоить разошедшегося вдруг старика и что ему ответить. В душе он действительно считал: да, таким, как этот Галенко,— никаких наград! Какой он участник войны, если в самом деле отсиделся в плену. Как бы там ни было, но выжил! А многие ли из тех, двадцатого года рождения, вернулись с войны? «Но что поделаешь... Еще вчера на таких, как он, смотрели с презрением, а сегодня они — участники войны»,— подумал с грустью военком. А вслух сказал:

— Вы, Александр Борисович, успокойтесь. Ваше заявление мы обязательно рассмотрим. Наведем справки, поднимем архивы и затем письменно вас известим.

Галенко продолжал сидеть.

— Вы меня извиняйте, товарищ военком,— снова заговорил он.— Все эти годы я не жил, а существовал. Для всех 9 Мая — День Победы, все на улицы выходят, а я как неприкаянный, дома сижу. Не то чтобы стыдно было, а обидно, до боли обидно! Иной черт знает где был на войне, а на пиджак повесит всяких юбилейных медалей — и герой, а у тебя даже таких нет. Хотя не дай бог кому-нибудь из них оказаться на моем месте! Лучше быть десять раз раненным, чем сидеть в плену!

— Из десанта вы один в плен попали или еще кто?— поинтересовался у него военком.— И вообще, как все это случилось?

— Не люблю об этом рассказывать,— после недолгого молчания ответил он.— Нутром чую: что ни скажу — все равно не верят. Да ладно уж — в последний раз вам расскажу... После того как мы разгромили гарнизон, поступил приказ: возвращаться к лодкам. Было еще темно, все громко галдели, радуясь успеху. По дороге к лодкам кто-то сказал, что у нас всего двенадцать человек убитых и двое раненых. В общем, эта суматоха продолжалась около часа. И, может, именно тогда было упущено время, чтобы обойти гарнизон и идти на север. Но, видимо, никто из командиров об этом не задумывался. Неожиданно начался минометный обстрел берега. Наши лодки разбили. Потом и справа и слева нас начали теснить финны. Не знаю, кто приказал укрыться в болоте, но все бросились туда. Враг нас быстро обнаружил и открыл огонь из всех минометов, какие у него были. Что там творилось — страшно вспомнить! Меня оглушило и я потерял сознание. Очнулся от холодной воды и стал выбираться из грязи. И тут же неожиданно услышал крик. Обернулся. Невдалеке стояли с автоматами трое финских солдат. Один из них на ломаном русском языке сказал: «Мы тебя чуть-чуть не застреляй. Но ты — политрук. Вылезай, будем идти к нашему командиру». Потом я понял, почему они приняли меня за политрука: из всех десантников только я носил длинные волосы. Вероятно, они думали, что такие длинные волосы носят только политруки. В общем, привели они меня к полевому телефону в лесу, дали трубку и жестом показали, чтобы я в нее говорил. В трубке на чистом русском языке меня спрашивали: кто я, звание, какой части, сколько нас высадилось на берег, ну и еще там по мелочам. Я рассказал. После этого меня посадили в машину и привезли к этому финну, который говорил

со мной по телефону. Снова он меня допрашивал: кто да что... Помню его удивленный вопрос: «Вы же были в безвыходном положении, зачем умирать?» Я подумал: все равно они меня расстреляют, и ответил, что умереть за Родину не страшно. Финн поморщился с ехидной улыбкой и махнул рукой: «Ерунда это все! В твоём возрасте надо жить. Вот возьмем да отпустим тебя сейчас к своим — думаешь, они тебя пожалеют? Приказ Сталина вашего помнишь, наверное?» Да, я знал этот приказ Сталина, и, честно говоря, не верилось мне тогда, что свои могут поступать так.

В это время в комнату ввели еще двоих наших пленных. Одного из них я знал — это был краснофлотец Суббота. Фамилия у него запоминающаяся. А вот второго не помню. Меня не возмутило, а, пожалуй, удивило, что они стали просить признать их добровольно сдавшимися. Я не знал, важно ли это или неважно, все равно ведь в плен попали. Может быть, этот финн добрым оказался, только не расстреляли нас, по лагерям отправили. Потом я попал на остров Сантахалинна, там у них была кадетская школа. Мы, пленные, строили на острове стадион. Выжил я только благодаря тому, что у меня была возможность собирать пищевые отходы — кормили кадетов хорошо, а остатки их обедов выкидывали на помойку.

В 1944 году тех пленных, кто выжил, свезли в большой лагерь под Хельсинки. Там погрузили в эшелон и повезли к границе. Скажу правду: недалеко от границы больше десятка пленных выпрыгнули из вагонов и убежали в лес. Сейчас-то я понимаю, почему они так сделали. Но тогда думал: они не знают, что Финляндия вышла из войны... На границе нас высадили из эшелона, и несколько дней была тщательная проверка. После проверки с большой групп

пой военнопленных меня увезли в Прокопьевск. Там, в лагере, который охраняли уже русские, я работал на угольной шахте «Черная гора», а затем — на водокачке, снабжал лагерь водой. Вот и вся моя военная судьба,— закончил рассказ Галенко. Потом, словно спохватился, добавил:— Я бы ни за что не пошел сюда, но вы уж извиняйте — доняли старики, мол, указ такой есть...

— Есть, есть такой указ,— подтвердил военком.— И вам не за что извиняться.

— Все равно извиняйте,— повторил, поднимаясь, Галенко.— За жизнь проклятую мою... За пропавших без вести товарищей моих, позабытых всеми...

Галенко ошибался. Не пропали без вести десантники 85-й морской стрелковой бригады, и люди их не забыли! Многие сделали по увековечению памяти отважных десантников учительница Ондозерской школы Л. Ганева и М. Краевая из Кисловодска, журналист В. Агарков.

Но особое упорство и настойчивость при розыске захоронения погибших десантников проявили ребята из педагогического отряда «Дозор» при Краснопресненском Доме пионеров г. Москвы. Они не раз приезжали в Ондозеро, проводили поисковую работу. И наконец летом 1986 года им удалось отыскать место, где финские оккупанты закопали тела погибших десантников. По найденным вещам, предметам, истлевшему обмундированию было точно установлено, что здесь погребены красноармейцы и краснофлотцы из десантного отряда Н. П. Ковалева. Останки советских воинов были перенесены в общую братскую могилу п. Ондозеро.

Кому придется побывать в этом поселке,

остановитесь на минуту у памятника на братской могиле, поклонитесь праху моряков, отдавших жизни за наше счастье и благополучие. Вечная им память! И вечная слава!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
Вместо предисловия	5
станция Кочкома	
16 мая 1942 г., 5 час.	13
34-й км шоссе Кочкома — Реболы	
28 июня 1942 г., 18 час.	22
высота 152,6	
24 июля 1942 г., 4 час. 30 мин.	29
г. Кемь	
12 августа 1942 г., 10 час.	37
мыс Каллилахти	
17 августа 1942 г., 5 час. 15 мин.	46
штаб бригады	
20 августа 1942 г., 12 час.	51
квадрат 8814	
31 августа 1942 г., 18 час.	60
о. Сяностров	
1 сентября 1942 г., 19 час. 20 мин.	70
д. Ондозеро	
2 сентября 1942 г., 2 часа	79
западный берег Ондозера	
2 сентября 1942 г., 2 час. 45 мин.	94
оз. Лайяозеро	
2 сентября 1942 г., 4 час. 10 мин.	102
о. Сяностров	
2 сентября 1942 г., 4 час. 30 мин.	108

оз. Лайяозеро	
2 сентября 1942 г., 14 час. 10 мин.	116
оз. Ондозеро	
4 сентября 1942 г., 1 час 30 мин.	125
штаб 85-й бригады	
4 сентября 1942 г., 11 час.	134
г. Кемь	
20 сентября 1942 г., 13 час.	140
Вместо заключения	150

Литературно-художественное издание

Дрыгин Юрий Дмитриевич
ДЕСАНТ В БЕЗВЕСТНОСТЬ

Документальная повесть

Редактор *С П Цыганкова*
Художественный редактор *Е А Агафонова*
Технический редактор *Э С Иванова*
Корректор *В Н Григорьева*
ИБ № 2162

Сдано в набор 7 08.90. Подписано в печать
3.12.90. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура литературная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 6,74
Уч.-изд. л. 6,41. Тираж 7000 экз. Заказ 2629.
Изд № 98. Цена 35 к

Издательство «Карелия» 185610, Петрозаводск,
пл. Ленина, 1 Республиканская ордена «Знак
Почета» типография им П Ф Анохина Госу-
дарственного комитета Карельской АССР по
делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. 185630 Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Дрыгин Ю. Д.
Д76 Десант в неизвестность: Документальная повесть.— Петрозаводск: Карелия, 1991.—158 с.; ил.

ISBN 5-7545-0324-5

В книге рассказывается об одном из эпизодов боевых действий на Карельском фронте в сентябре 1942 года, о трагической судьбе ондозерского десанта.

Д 0503020600—158 10—91
М127(03)—91

К63.3(2Р-6К)

